

18+

SCI-FI

ТЕНЬ ЕДИНОРОГА

Редлер Берк

Редлер Берк
Тень единорога

«Издательские решения»

Берк Р.

Тень единорога / Р. Берк — «Издательские решения»,

Кусочек большой и очень вымышленной истории, научно-фантастический роман о ловком базарном воре, которого жизнь понуждает стать слугой и работником в команде вольного торговца, имеющего очень странные странности. На фоне излагаемых событий предстает во всем своем величии бескрайний космос, тени могущественных держав и колоритные оттенки необычных народов.

© Берк Р.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Вор и торговец	6
I	6
II	10
III	12
IV	14
V	18
Глава 2. Курьезы бюрократии	30
I	30
II	37
Глава 3. Все ради дружелюбия	39
I	39
II	46
III	50
IV	52
V	58
Глава 4. Иллюзия	60
I	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Тень единорога

Редлер Берк

Корректор Кэтрин Каллен.

© Редлер Берк, 2026

ISBN 978-5-0069-9351-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Вор и торговец

I

Место действия: галактика Хазес, сектор Саламандар, система Акин, планета Бахад. В некое и неважно какое время позднего утра.

Бади плелся по шумным улицам рынка медины, стараясь прятаться в тени потрепанных пыльным ветром тканых навесов от палящего солнца — поближе к прохладным светло-бурым стенам из глины и кирпичиков. Время от времени он придерживал ладонью макушку, чтобы настойчивые порывы знойного ветра не снесли с растрепанной головы помятую расписную тюбетейку, укрывавшую непослушно выющиеся каштановые короткие волосы. Как и другие малообеспеченные жители, обуви он не носил, и песок забивался ему под ногти. Это еще хорошо, что ничего более неприятного под ногами пока не попадалось, ведь по торговыми кварталам шастали туда-сюда навьюченные грузом лошаки и верблюды, оставляющие лепешки за своим хвостом. Бади всегда любопытно глядел на мир вокруг себя, его взгляд приковывали карманы нерасторопных окружающих, звонкие монетки и пластинки-кошельки в их руках, лежащие без присмотра фрукты на прилавках, сумки и коробочки. Но, порой бывало, он переставал удостаивать реальность пристальным вниманием, размышляя о разных «бестолковых», по мнению многих окружающих, вещах. Миновав преисполненный бодрящими ароматами переулочек кофейного торгова, уличный вор и беспризорник, промышляющий мелкими кражами и не слишком физически сложной работой остановился в маленьком закутке.

— Бади, Бади! — дернул его за руку такой же парнишка, прятаясь в импровизированном укрытии. — Пошли, у нас есть дельце.

Примерно такими словами начиналась всякая сомнительная авантюра, сопровождавшая всякий день плута. Вместе с товарищем, которого звали Азиз, он спустился по холодающей ноги каменной лестнице в местную чайхану. Над скрипящими старыми дверьми висела табличка с витиеватой надписью «Чайхана Лазурит». Читать они двое, как и семьдесят пять процентов жителей планеты Бахад, совершенно не умели и, посему, ориентировались по отпечатанному на стене заведения рисунку голубой чашечки со вздымающимся паром.

В прохладном полумрачном зале с низкими потолками, удерживаемыми колоннами, непрестанно дул кондиционер, играла легкая струнная музыка из пыльных динамиков, в которой тонули гомон разговоров и цоканье шашечек по игральным доскам. Посетители сидели на коврах и подушках за невысокими столиками, огни тусклых разноцветных лампочек сверкали в развешанных украшениях, отполированных тарелках, разливаемых напитках и пиалах. По всему подвалу благоухали ароматы цветов, кофе и вкусных кушаний, вперемешку со стойким запахом потной грязной обуви. Воришки осторожно выглядывали из-за входа, дабы не попасться на глаза работникам чайханы.

— Вон богатый торгош, — указал пальцем на одного из посетителей Азиз, — отберем его кошелечек, КПК и снимем украшения. А будет сопротивляться — еще и побьем.

Неподалеку от выхода дремал за столиком полноватый мужчина с густой смолянистой бородой и короткими волосами. Оперевшись спиной на деревянную колонну и подложив под голову подушки, он тихонько сопел, сжимая толстыми пальцами пиалочку. Его плечи укрывала многими слоями яркая вышитая из золотистого паучьего шелка шаль с бахромой, под которой заманчиво блестели висащие на шее украшения, спускающиеся плетеными цепочками на

бордовые одеяния и косая бандольера, имевшая кобуру с парой тяжелых пистолетов. Особая ониксовая печатка среди драгоценностей свидетельствовала, что это именно странствующий торговец. Осторожно подойдя чуть поближе, плуты заметили сапоги, пояс с ножнами кинжала и объемистым кошельком. Подойдя еще чуть-чуть ближе, вору заприметили красивый белый наушник, обрамлявший витиеватыми изгибами ушную раковину.

— Жалкие прохвосты! — прогремел из другого конца зала раздраженный возглас владельца заведения. — А ну не смейте ничего воровать, иначе руки поотрубая! Не я, так городская стража!

— А? — невинно улыбнулся Бади, надевая на голову тюбетейку. Его товарищ миролюбиво поднял грязные ладошки. — А мы просто зашли укрыться от солнца. Вай-вай, сегодня такая жара, аж люди в изнеможении падают.

Пробурчав нечто, хозяин чайханы не спускал глаз с проходимцев, продолжая разливать напитки. Ближайшие посетители, услышав слово «воровать», тоже насторожились, озаботившись о своих карманах. Не обращал ни малейшего внимания лишь полноватый сонный торговец. Жертва им сегодня попала на редкость богатая, одинокая и нерасторопная.

— Здесь не станем, — шепнул Азиз.

— Но зачем ждать? Выманит в переулок.

Беспризорники кивнули друг-другу, согласовав обоюдно понятный план действий. Бади развернулся и пошел наверх. Его товарищ вынул из кармана апельсин, подойдя и швырнув в морду торговца.

— Прх-хх-м... — снаряд попал в грудь, отскочив на стол. Жертва даже не проснулась.

— Совсем обнаглел?! А ну брысь отсюда, грязный мальчишка! — замахнулся в ответ тряпкой один из работников заведения. Проскальзывая меж заходящих посетителей, Азиз убежал на улицу, прячась в подворотне.

— Ну?! — послышался с плоской крыши голос Бади.

— Спит, слишком пьяный, — задрал голову Азиз, — придется пасти. Может, позовем других?

— Да сюда соберется половина Бахада! Неужели ты хочешь делить с ними деньги?!

Не отчаиваясь в своем корыстном деле, двое грабителей устроили засаду, наблюдая за оживленным входом в чайхану. Данное заведение располагалось неподалеку от главной рыночной улицы и края медины, за которым стоял космопорт, а посему чайхана всегда была полна чужестранцев и торговцев. Шли одна за одной минуты, неистово пекло ярко-бриллиантовое бахадское солнце, возвышаясь к зениту в сухом бесцветно-голубом небе. По середине улицы ездили туда-сюда жужжащие мотороллеры, ослы, баджаджы и верблюды, а по крышам города то и дело проносились тени от громоздких силуэтов космических кораблей, взлетающих и садившихся в порту. Даже отсюда, за несколько кварталов, можно было разглядеть спины этих великанов, чьи темные корпуса плыли миражами от жары. Космические корабли имели невероятный вес и размеры порой с целую улицу, но летали без всяких трудностей и практически бесшумно, едва тревожа город своим присутствием. В их недрах скрывались особые двигатели, толкавшие гиганта запредельной массы словно пушинку. Перемещались они плавно, свободно застывали на месте и порой висели часами над портом, совершенно не касаясь земли. Взлетая и садясь, корабли временами вздымали вкупе с собой бахадскую пыль и песок, стремительным потоком закручивая сферой вокруг себя и этим зрелищем обличая скрытую мощь своих двигателей, которые называли просто «антигравитационным приводом», «кавитационным двигателем» или «той непонятной ерундовиной, на которой летают корабли».

— Эй! — раздался бодрый голос из-за спин пары сидевших в засаде воришек. — Куда смотрите?

— Никуда, — буркнул в ответ Бади.

— Вре-е-е-те... — покачал головой подошедший к ним высокий худой юноша, бывший на несколько лет старше их. Звали его Турабом. — Вы здесь долго кукуете. То на крыше, то в переулке, то под навесом — сидите как стервятники и смотрите на чайхану.

— А тебе какое дело? Мож нам голову солнцем напекло?

— Вот я сейчас зайду туда и сам посмотрю. А чего вынесу — то все мое.

— А вот и нет! — возразил Азиз.

— Делитесь со мной, иначе я позову остальных.

— А чем нам делиться? — нищенски развел руками Бади, скорчив морду. — У нас ничего нет.

Незванный высокорослый бродяга спустился на дорогу, заходя вовнутрь чайханы. Спустя несколько минут он вернулся к двоим жуликам.

— Я стану молчать, — кротко кивнул он.

Шло томительное время ожидания, минуло около часа. Чайхану успело посетить не менее пяти дюжин человек. Изнывая от жары и скуки, преступники многократно меняли позиции наблюдения.

— О, смотрите, — ткнул пальцем Азиз.

По улице, особняком от остальных, проходил стройный чужеземец. Под коричневым грубым пальто он носил глухой черный скафандр, покрывавший носителя от сапог до шлема с панорамным зеркальным забралом.

— Наверное старатель, с Аграстеса, — кивнул Тураб.

— Не обязательно оттуда. Ты хоть представляешь сколько дотуда пути?

— Эй! — крикнул Бади. — В скафандре! Сколько время?!

Странник остановился и поднял безликое забрало, рассматривая кричавших с крыши второго этажа.

— Десять сорок пять, по местному времени, — произнес он сухим голосом.

— А сколько было час назад?!

Смутившись от непонятного вопроса, путник отправился дальше по улице.

— Мне тоже хочется себе скафандр, — томно вздыхал Азиз, — в нем наверняка очень прохладно.

— Ну, пойдй,ними, — усмехнулся Тураб.

— Лучше обокрасть торгаша. Вместе нам будет легче: унесем все брюлики и даже пистолеты.

— Какие брюлики? Какой торгаш? Какое пистолеты? — спросил еще один гость: совсем маленький, писклявый, возрастом моложе нежели даже чем Бади. Звали его Мади.

— Брысь, шалопай! — ответил старший.

— А вот я пойду и всем расскажу, что вы здесь задумали.

— Давай! Иди! Дадут тебе подзатыльников!

Не испугавшись угроз со стороны знакомых, самый мелкий воришка слез на оживленную улицу и смело пошел вниз. Спустя немного времени в чайхану лениво зашли двое усталых от жары стражников. Солдаты бахадской стражи, следящие за порядком на улицах города, легко узнавались издали своими багровыми тюрбанами и длиннополыми терракотовыми плащами, прикрывавшими бронекостюмы и разгрузочные пояса, на которых висела больно бьющая дубинка и хранился пистолет. За спинами воины таскали на магнитной кобуре по импортному катушечному карабину, коими редко стреляли, а куда чаще просто колотили неугодных прикладами. Транспорт стражи были челноки, колесные вездеходы и резвые лошади, хорошо протискивающиеся в узких улочках медины. Стражники считались на Бахаде олицетворением размеренной и довольной жизни: они кормились и одевались за счет казны, а взамен лишь слонялись по улицам, надоедали торговцам и чужакам, долгими часами кисли в чайхане, сторожили внутренний город и прислуживали старшим по званию. Не прошло и

минуты после спуска в питейное заведение, как солдаты бодро воротились обратно, влача пойманного за руку беспризорника.

— Совсем обнаглели? — возмутился Тураб. — Ловят всякую мошкарку.

— Мы должны ему помочь, — сказал Азиз.

Стражники конвоировали брыкающегося малолетку, крепко держа и пытаясь надеть наручники. Делали они все столь нарочито, словно выследили опаснейшего преступника во вселенной.

— Вот вы идите и помогайте.

— А ты?

— А я постерегу торгаша. Ну и мелкому потом скажу не лезть в самое пекло.

Позволить стражникам бить юного товарища бахадская нищая братия никак не желала и без всяких сомнений бросилась в храбрую молниеносную атаку.

— Эй, вы все! — громко крикнул с крыши Азиз. Попавшийся ему под руки тяжелый кусок песчаника полетел вниз, едва не падая на головы врагов и случайных прохожих, заставляя всех расступиться и ругаться. Отпрянув, но крепко держа преступника, блюстители закона глянули вверх.

— Ааа! — с диким криком выбежал из-за угла Бади и швырнул свежайшим лошадиным навозом прямо в морду одному из солдат. Попадание было «смертельным». Пойманный Мади не плошал и быстро вывернулся из лап огорошенных стражников, убегая в переулок.

— Бх... подле-е-е-ец! — яростно взревел пораженный противник, отплевываясь во все стороны, чистя лицо и смолянистые усы перчаткой. Прохожие вокруг, водители мотороллеров и лавочники взახлеб ржали хохотом, глаза на действо. Второй солдат сорвался с места вслед за нахальным Бади.

— А ну сто-о-ой, мерзавец! Стой!

Плут летел быстрее ветра, петляя по идеально заученному на память лабиринту узких улочек. Получив непоправимый моральный ущерб, стражи закона позабыли о ранее упущенной мелкой рыбе, неотступно преследуя наглого злодея.

— Вот после таких выходов они и хватают всех подряд, — негодуя, качал головой Тураб, слухом провожая крики погони с угла крыши.

— Эх!.. Надо было и в торгаша навозом кидать.

— Азиз, ты вообще меня слышишь? Со стражей следует договариваться. А ты, шалопай? Чего полез?

— Полез и полез, — опустил голову Мади.

— М? — подошла к ним еще одна бродяжка. — Чего за шум вы устроили?

— А ну, кыш! — махнул рукой Тураб.

— Интересно, интересно, — пошла она в сторону чайханы.

— Скоро тут слетится весь Бахад...

II

Бахад, медина Заир. Спустя 5 минут ожесточенной погони.

Переставляя ноги изо всех сил, Бади запутывал свои следы. Разъяренные стражники не хотели сдаваться и напряженно гнали вора, словно голодные львы антилопу. Пробегая безлюдным складским кварталом, плут скрылся в одном из обветшалых заброшенных зданий, бывшем некогда ослятней. Бродяга пробежал вдоль разломанных запустевших загонов, схватился за выступы на тыльной стене и полез наверх до разломанного потолочного отверстия, ведущего в недры бадгира — ветровой башни, возвышавшейся над крышей и дававшей прохладу в помещении. Такие стояли по всей медине, особенно по старым бедным районам, где не могли позволить кондиционеры.

Старая ветровая башня была внутри заделана деревянным перекрытием, превратившись в импровизированный чердак. Найдя путь вовнутрь, просунув голову, руки и забравшись ногами, Бади замер и прислушивался к низу.

— Где он?! — отдаленные голоса стражников гуляли эхом среди запустелых загонов. — Он ведь забежал сюда!

— Наверняка спрятался наверху.

— Стой здесь. А я залезу снаружи.

— Ох... — не теряя времени, Бади ринулся к маленькому оконцу, выдолбленному в стене бадгира. Пока стражник только пытался залезть по стене, воришка уже незаметно перескочил на соседний дом и скрылся из виду.

— Вон, смотрите, — шептал Азиз. — Выходит.

Тем временем из чайханы «Лазурит» поднимался полноватый торгош, покачиваясь на ступеньках. Зевая, он преленостно взглянул на шумную базарную толпу, накинуд на макушку зеленую куфию, закрепив на голове шнуром, и направился в сторону космопорта. Ни телохранителей, ни слуги, ни товарища при нем, как при порядочных богачах, не имелось. Группа воришек, коих насчитывалось уже шестеро, не считая пропавшего Бади, с хищными глазами направились к жертве.

Приглаживая бороду, отблескивающую на солнце медными переливами хны, ленивый торгош проходил вдоль обочины улицы мимо узкого безлюдного переулочка. Вдруг оттуда вылез совсем малолетний отошальый беспризорник, перемазанный весь грязью и растрепанный.

— Башиш! — встав поперек дороги жертвы, он протянул ладонь и произнес слово, коим просились деньги.

— Хм? — взглянул на него купец.

— Б-башиш, — все сильнее кривил он свою изможденную грязную мордочку, строя невинный жалобный вид и начиная горько-горько рыдать. — Башиш, эффенди, башиш...

Стремительно и бесшумно подойдя сзади, Азиз вцепился в столь желаемый кошелек, висевший на поясе жертвы. Едва его пальцы коснулись молнии замка, не терпя скорее раскрыть и выпотрошить содержимое, как доселе ленивый торгош внезапно вывернулся, крепко схватил запястье карманника и заломал.

— А-а! — вскрикнул тот от боли и неожиданности. Левоу рукой, купец поймал и скрутил Тураба, пытавшегося обчищать чужие карманы с другой стороны. Ударом ноги он прогнал прочь еще четверых.

— Вам двоим тоже — башиш? — спросил ограбляемый, насильно таща воров в безлюдный переулочек.

— Агх... пустите, пустите!

— М? Здесь вы меня раздеть хотели? Кошелек отобрать. Украшения. Пистолеты. Решились даже побить, если сопротивляться стану. Ну — давайте! Бейте! Ведь столько долго ждали.

— Мы больше не будем!

— Вы такие ловкие и смелые. Продам-ка я вас в рабство на какой-нибудь шахтерской колонии. Пожалуй, хоть сотню динаров за ваши шкурки можно выручить.

— Что? Нет, мы не стоим и десяти! — вырывался Тураб. — Пустите нас! У меня туберкулез костей и рак мозга, меня никто не купит! Кх, ох! Кх-кх-кх!.. Я скоро умру, кх-кх!..

— Эй, стража! — обернулся и крикнул он, ослабляя хватку. — Да, вы! Идите сюда, меня грабят средь бела дня!

Высвободившись, услышав про рабство и стражников, воры в страхе унеслись прочь, хоть и ни единого блюстителя закона поблизости не было. Торгаш вздохнул, обтер свои ладони о шаровары, и пошел дальше по базарной улице. Бади только пришел, но застал и видел позорное фиаско своих подельников. Просто так стоять в сторонке плут не мог и считал своей обязанностью украсть этот недокраденный кошелек. Трудности его не пугали, жизнь не учила, а чужие ошибки лишь раззадоривали. Ловко проныривая среди толпы, бродяга вышел навстречу купцу. Идя к жертве лоб в лоб, столкнувшись бок о бок, Бади молниеносно схватился за кошель и рванул застежку. Торговец схватил очередного карманника за руку.

— А-ай! — вскричал преступник, брыкаясь, царапаясь и свободной рукой пытаясь украсть ну хоть что-нибудь.

— Наглый воришка! А ну не трожь! — дав жирный подзатыльник и пинок ногой, торгош прогнал вора. Под смешки и ругань прохожих, а также лошадиный хохот глядевших товарищей, Бади убежал в подворотню.

— Эй, Бади!.. — насмехаясь, кричали они с крыши. — Скорей делись своей добычей! Ах-ха-ха-ха!..

Жутко обидевшись, показав им высунутый язык, плут ушел сам по себе.

— Мне показалось или этот торгош узнал наши планы? — подметил Тураб, провожая взглядом удаляющегося по улице богача в зеленой куфии. — Вы ведь ничего ему не говорили.

III

Бахад, медина Заир. Через 11 часов.

Наступало утро следующего дня, Бади лежал на земле в одном из тесных переулков, свернувшись клубком, положив под голову тубетейку и прижавшись спиной к теплой стене дома, о которую согревался на протяжении холодной ночи. В темное время суток на улицах медины мало безопасных мест: повсюду рыскают бездомные собаки и крысы, вылезают из щелей змеи и скорпионы, слоняются нищие, стражники и грабители. Бади привык спать урывками и вскакивать из-за любого шороха, чтобы убежать от опасности, но эта ночь прошла спокойно. Дождавшись сумеречного света, плут поднялся на ноги, отряхнул одежду, надел на голову тубетейку и побрел по кварталу к ближайшему источнику воды.

На Бахаде сутки сменялись медленней стандартного времени, а народ привык вставать рано, за час и более до рассвета, чтобы успеть сделать свои дела прежде наступления пекла. На улице уже встречались женщины с корзинами на голове, идущие стирать одежду до колодцев. Выходили на свою работу поденщики, мели улицы уборщики, и трамбовали глину строители. Открывались двери мастерских, откуда слышался скрежет и стук моторчиков. Появлялись горбатые силуэты торговцев-разносчиков, которые курсировали по всей медине с громоздкими сумками. Многие спешили купить хлеба в пекарнях или пили чай среди дворов. Подле главных широких улиц протянулись скамейки, где в прохладной тени сидели седобородые аксакалы с посохами, наблюдавшие за положением дел в городе и обсуждавшие новости.

Кивнув старцам, ибо их уважал в медине каждый человек, Бади проплелся мимо, завернув в узкую улочку, ведущую в сердце квартала. Логической серединой каждого бахадского квартала был колодезь, откуда черпали воду и сливали в ближайшую канализацию. У источника воды работали коренастые стиральщики, а поблизости стояли хаммам и чайхана — главные культурные заведения. Вдоволь напившись воды и умывшись, поболтав с местными, Бади пошел в сторону рынка, думая где бы раздобыть еды.

Бриллиантово-белое солнце медленно восставало над городом, раскаляя плоские крыши невыносимым пеклом. Прячась от жары, плут шагал запутанным лабиринтом узких закоулков, в которых порой умудрялись заблудиться даже всю жизнь прожившие в медине. Ориентироваться в городе не доставляло Бади и малейших хлопот, он всегда интуитивно находил безошибочную дорогу и мог бы работать проводником. Он порой и выдавал себя за опытного бахадского проводника,водя незадачливых клиентов по рынку и внутреннему городу, где стояли дома богатых жителей и гостиницы для чужаков. А порой беспринципный злодей просто-напросто заводил жертву к своим друзьям, которые обирали путешественников до нитки.

— Афнакх! Лагх'хглам! — внезапно Бади столкнулся на тесной улочке с карликом в глухом коричневом балахоне, которого за раздумьями не сразу заметил. Размахивая мохнатыми когтистыми лапками, тот громко ругался на своем жутком языке и клацал челюстью с пожелтевшими клыками, нерасторопно пытаясь обойти случайного прохожего.

— Сам ты афнак! — ответил ему воришка, проскользнув справа и отправившись дальше.

— А-абхл! Уа-а, а! Гхлаг, афнак! — кричал вдогонку разгневанный таким ответом прохожий.

Помимо обычных людей на Бахаде жили презренные существа, называемые эш'фарами. Их рост составлял около метра, они имели темную и короткую облезлую шерсть подобную шерсти опоссума, когтистые пальцы на худощавых лапах, уши подобные кошачьим, плоские носы, звериные челюсти, острые зубы и отблескивающие тигровые глаза с овальными зрачками. Большую часть своих анатомических особенностей эш'фары прятали под бесформенными одеяниями из плотных тканей. Ходили слухи, что раньше эш'фары были обычными людьми, но потеряли человеческий облик в результате каких-то научных экспериментов. Эту

точку зрения доказывала на протяжении поколений укоренившаяся среди эш'фаров привычка прятать свой безобразный вид от самих себя и окружающих под глухой одеждой. Обитали мохнатые карлики многотысячными родовыми племенами кочевников, а среди человеков обычно выживали поодиночке. Люди относились к эш'фарам примерно так же, как относятся к помойным крысам, эш'фары относились к людям так же, как люди относятся к бритым обезьянам. Говорили эш'фары на своем особенном языке, а внятно выговаривать человеческие слова им удавалось с трудом. Всех людей они называли «афнаками», данное слово считалось крайне оскорбительным в адрес другого эш'фара, а вот богатый вельможа покупающий у них специи или подрезавший в переулке бродяга — афнак гхлак хчахлам!

Добравшись до родного базара, юноша обходил кварталы торговцев овощами и фруктами. Своровав у незадачливых лавочников пару горстей фиников, изюма и инжира, он перекусил за углом чего перепало. Напившись и наевшись, чуть посидев в прохладе, воришка отправился искать своих друзей и развлечения. Более всего ему хотелось посетить печально известную вчерашним провалом чайхану и поглядеть, кто пришел туда сегодня. Быть может, встретился бы новый ленивый чужак с большим кошельком, которого все-таки удалось бы обокрасть — надеялся плут. Выйдя на главную рыночную улицу, шумящую и бурлящую прежде испепеляющего полудня, Бади шагнул к стене с голубой чашечкой.

— ...Это он! Держи мерзавца! — слышались хриплые возгласы сквозь гомон базарной толпы.

— М? — думавший о своем воришка не изволил придать значения этим крикам — мало ли что может случиться на главной рыночной улице? Но, обернувшись на громкий топот сапог, плут увидел морды двух разъяренных стражников, бросившихся к нему сквозь поток людей и мотороллеров. Вздвогнув от неожиданности, Бади мигом рванул к переулку, но крепкая рука успела схватить карманника за шиворот и притянула к себе. — Ах!..

— Это он кидается в меня конским дерьмом! Я его помню! — вопил один из них, схватив за локти и скрутив бродягу. — А?! Ну что?! Попался, мелкий паршивец?!

— Пустите, пустите! — вор в панике брыкался и кусался, всеми силами отчаянно пытаясь выкрутиться из рук разъяренных стражей порядка.

— Не дрыгайся, шенок! — гудел второй. — Теперь ты отправишься за решетку. А палач отрубит тебе руки.

— Я ничего не сделал! А-а! Помогите!.. — громко крича и пиная их ногами, Бади надеялся хоть привлечь внимание друзей, которые бы наказали блюстителей закона за такую ужасающую грубость, но ничего не помогало. Долбанув несколько раз свою жертву сапогами и нацепив наручники, стражники потащили юношу за собой к вездеходу и увезли в касбу — цитадель Бахада.

IV

Медина Заир, внутренний город, тюрьма. Несколько времени спустя.

— Вай-вай... Ну и дела, — Бади лежал на дощатой лежанке в холодном и сыром темничном подвале. Сюда его приволокли и швырнули стражники, оставив дожидаться приговора судьи. Вздыхая от безысходности, вор глядел на бетонный потолок, бетонные стены и грязный бетонный пол, засохшее дерьмо на туалете и непроходимую стальную решетку. За ней протянулся налево и направо длинный запутанный тюремный коридор-лабиринт, по обеим сторонам которого шли камеры заключения, большая часть коих пустовала и лишь из дальнего края до слуха бродяги доносились чьи-то голоса. Единственными сокамерниками малолетнего плута нашлись пробежавшие мимо крысы, сидевший в уголке паук и пиршествующие вокруг туалета тараканы, а пахло здесь соответствующе отвратительно.

Снова и снова вздыхая, карманник ругал себя за неосмотрительность, из-за которой очутился здесь. Те двое стражников жутко на него обиделись за навоз, раз не поленились случайно высмотреть и поймать. Оставалось неизвестное число дней, после которых ему дадут новый срок или вовсе отрубят руку, как вору. Не предаваясь отчаянию, Бади надеялся сбежать отсюда, но из темничной камеры было лишь два пути: сквозь узкую решетку и не менее узкую трубу канализации. Время от времени поднимаясь на холодный бетонный пол, пройдоха настойчиво пытался ковырять механический замок щепками и ржавыми гвоздями, которые нашел по углам камеры. На его память не приходило ни одного случая, чтобы кто-то из бахадских нищих убежал из темницы. Лишь только члены гильдии воров умудрялись на подобные фокусы. Однако и случаи, чтобы городская стража хватала малолеток — огромная редкость. Не меньше надеялся Бади на помилование от судьи, который, быть может, не захочет рубить рук мелкому мальчишке, который даже ничего и не украл по сути этого отдельно взятого дела.

Шли долгие часы. Наступило время и послышался щелчок внешних дверей темницы, раздался топот двух пар сапог, пришли молчаливый разносчик еды и вооруженный карабином надзиратель, открыв решетку и поставив заключенному обед: получерствую лепешку, подвяленный инжир и бутылку воды. Бади сидел в уголке на лежанке, наблюдая действие, жалобно глядя в глаза разносчика и на открытую решетку позади. Вор сию минуту мог ринуться и ловко проскользнуть у него под носом и даже ухлестнуть от надзирателя, который сторожил у входа в камеру. Но Бади прекрасно знал, что выход из коридора заперт, а связка ключей висит на цепочке, на поясе упомянутого здоровяка-надзирателя, который чересчур внимателен и слишком физически крепок.

Оставив еду, они закрыли решетку и пошли дальше, где их уже встречала гомоном кучка заключенных,ждавших положенного обеда. Бади ничего не оставалось, как сжевать лепешку с инжиром и напиться воды, после чего он вновь уместился на лежанку, коротая время нелегкими размышлениями. В недра темницы не попадали солнечные лучи и единственным источником света служили тусклые лампы коридора, отчего плут не имел представления о времени суток и часы медленно тянулись один за одним.

И вот, когда юноша лежал и глядел в потолок, вновь открылась внешняя дверь. Послышался топот многих сапог и неразборчивые голоса:

— ...Грязные псы! Я буду жаловаться! Это произвол! Вам это с рук не сойдет, отбросы!

— Шагайте молча, эффенди! — пробубнил надзиратель, гремя связкой ключей.

— Я Аль-Фарха! Я вольный торговец! У меня нет времени на эти ваши глупости, просто отведите меня к этому жадному вору... тьфу!.. Великому визирю!

Процессия наконец достигла камеры Бади и даже остановилась перед ней, так что лежавший в темном уголочке плут смог разглядеть полудюжину стражников с командиром, надзирателя и полнотелую фигуру скрученного узника, который и голосом, и видом поразительно походил на недограбленного вчера торгаша — последнего человека, которого Бади ожидал здесь увидеть. Найдя нужный ключ, тюремщик открыл решетку и стражи впихнули сварливого вельможу вовнутрь.

— Ну хоть одного вы меня посадить можете, а?! — бросил арестованный недовольный взгляд на сокамерника. — Вы издеваетесь?! Здесь вся темница пустая!

— Великий визирь сейчас занят. А одному тебе будет скучно ждать, — усмехнулся холерный молодой офицер стражи, — а этот мальчик умеет петь и танцевать, эх-хе-хе-хе...

— Какие вы жалкие ворюги... — с лютым гневом схватился он за решетку и попирал дорогими сапогами грязный бетон, напоминая разъяренного тигра, уловленного в клетку и не могущего укунить.

— Закон суров, Махмуд-эффенди! В следующий раз станешь платить нам все налоги в срок. А пока посиди, подумай над своим поведением...

Насмехаясь над беспомощным купцом, стражники пошли к выходу. Затих топот сапог, щелкнул механизм и заперлись внешние двери, но торговец продолжал стоять и держаться за решетку, глядя наружу. А Бади озадаченно и ошеломленно наблюдал за этим человеком, арестованным неведомо за что. Он выглядел равно как и вчера, одетый в богатые расписные одежды, нарядку, пояс и зеленую куфию. При нем не хватало лишь оружия, кошелька и большей части украшений, изъятых надзирателем.

— Вах!.. — наконец перестав мучить стальные прутья, торговец вздохнул и направился к дощатой лежанке в противоположном от сокамерника углу. Усевшись там и облокотившись на стену, эффенди глядел на малолетнего бродяжку.

— Салам, — кивнул Бади, не поднимаясь с лежачего положения. — Вы меня не помните?

— Нет.

— Я вас вчера пытался ограбить, — честно признался юноша.

— Всех вас воров не упомнишь, — ответил он тихим голосом, положив руку на согнутые колени. — Все на этой дрянной планете считают своим долгом меня обокрасть. Все, начиная от детей на улице и заканчивая великим визирем... Ах... я только улетать собрался...

— А знаете почему мы с вами здесь сидим?

— Гм? — посмотрел он краем глаза. — Ну?

— Это все потому, что вы не дали украсть ваш кошелек, — вздохнул плут, разведя руками. — Вот если бы вы, по честному, дали украсть ваши деньги, то ни я, ни вы — мы бы тут не оказались. Видите, как все просто, эффенди?

— Меня сюда упекли налоговые чиновники, надеясь получить выкуп. Скоро мои подчиненные заплатят им и меня выпустят. А ты как сюда попал?

— Буквально ни за что, — пожал плечами он.

— Украл чего-то?

— Вовсе нет, — приподнялся паренек и уселся. — За то, что я защищал своего друга, на меня вероломно набросились стражники посреди улицы.

— Вот как... — тихонько хмыкнул торгаш, привыкая к неспешному ритму тюремной жизни. — Как звать тебя?

— Бади.

— Где твои родители?

— Я вырос на улице, у меня их нет.

— Лет-то тебе сколько?

— Шестнадцать, — пожал плечами он. — Точно не знаю. А вас как звать? Кто вы?

— Махмуд Ибн-Хассан Аль-Фарха. Я — торговец и начальник каравана.

— Не будьте столь уверены, что вас быстро выпустят, — покачал головой карманник. — Но если вы дадите мне немно-о-о-го денег... вот тогда-а-а... тогда вас, возможно, выпустят быстрее.

— Ну хорошо, — усмехнулся богач, отвернувшись к решетке и приглаживая бороду. — Если твоими стараниями я быстрее окажусь на свободе, то обещаю дать десять солидов и принять в свою команду.

— Мне просто денег, — десять солидов были огромной суммой простому обывателю и равнялись двадцати пяти тысячам бахадских динаров, за каждый из которых можно купить мелкую лепешку или выпить пиалу чая. А за десяток солидов в медине можно купить приличный дом.

— И ты не хотел бы получить хорошую работу? Странствовать по космосу?

— Не знаю... Может быть, — искренне пожал плечами Бади. Все протяжении своей жизни, сколь бы длинной или короткой ее не счесть, плут провел в медине и ее окрестностях, не прилагая усилий покинуть родные места — ему и тут жилось хорошо. Дабы улететь с Бахада, требовалось пойти в найм на чей-нибудь корабль, но едва кто согласится приобрести на борт вороватого оборванца, если только это не работоторговец. По сей причине мало кто из бахадских беспризорников ходил в космопорт, ведь город полнился слухов, что подле кораблей чужаки безнаказанно хватают и крадут людей, затем увозят и продают в рабство. Уличный сброд даже редко воровал в космопорту, хоть там толпились тысячи зевак и лежали на песке бессчетные тонны разномастных грузов. Конечно среди нищей братии находилось и немало смелых счастливиц, которые устраивались на борт и покидали Бахад в поисках приключений и богатства. — У меня хорошая работа, она меня вполне устраивает.

— И какая?

— Я вор, — вздохнул Бади, укладываясь на лежанку. — Мое дело — воровать.

— Это не работа, а вред обществу.

— Кто бы говорил! Вы вообще торгаш и всех обманываете! — вдруг снова вскочил плут и сел, с раздраженным недовольством глядя на сокамерника. — Я хоть честно ворую, а вы только делаете вид, что вы честный, а сами покупаете все по дешевке, а продаете за накрученную цену!

— В этом смысл торговли, мальчик, — обескураженно пожал плечами Махмуд, не ожидая подобный упрек. — Иначе как мне заработать деньги?

— Вот, вы не лучше воров! — кивнул Бади, сложив руки на груди. — А я честно краду, зарабатываю на жизнь тяжелым неблагодарным трудом! Меня то пнут, то ударят, то за решетку посадят!

— Хех... — усмехнулся караванщик. — Ты меня развеселил.

— Все торгаша — богатые, а богачи — жадные. А я совсем не жадный и краду не сам для себя, а делюсь с друзьями. У нас много больных и малолетних, которые красть плохо умеют. Мы всегда помогаем друг другу.

— Я тоже торгую не сам для себя. У меня большая семья и срок девять жен.

— О-о... Вай, вай... Наверное, вы прям очень богатый бей-эффенди, — заблестев лукавыми зелеными глазами, покачал головой жулик, — вам просто необходимо дать мне денег.

— И где ты обычно ворует? На базаре?

— Да, — кивнул плут. — Там всегда много зевак.

— А не будь нас, торговцев, то не стало бы и базаров. Тебе было бы негде воровать, — подметил Махмуд.

— Все верно. Я разве спорю? Я лишь сказал, что торговцы — не лучше воров...

Их разговор продолжался еще очень и очень долго. Малолетний уличный бродяга понравился Махмуду-эффенди и привлек внимание своей рассудительностью. А моральную позицию воровства, сколь бы глупой она не казалась, Бади и вовсе жарко отстаивал с искусством древнего софиста-философа, заманивая собеседника в цепочку неопровержимых логических

заклучений. Арестованный богач подробней рассказал в ответ о себе и своем деле. Он, Ибн-Хассан Махмуд Аль-Фарха, долгие годы скитается по космосу и успешно занимается торговлей, редко навещая дом. Его семья богатая и влиятельная, среди его знакомых шахи, князи и властители, под его началом сто пятьдесят грузовых кораблей и сотни наемников. Личным кораблем Махмуда был реликварный высокотехнологичный военный крейсер, переделанный в торговый флагман каравана и названный «Каркадан». В конце концов, подступала невидимо ночь, заключенные из дальних камер давно затихли, а торгош поудобней облокотился на стену, положил под голову накидку и тихо задремал.

V

Внутренний город, тюрьма. Сутки спустя.

Прошло еще много и много-много времени в темнице, но за Махмудом-эффенди, хвалящимся своими верными слугами, никто не приходил. Торговец потихоньку начинал тосковать и ругался на несносных визирей и чиновников. Единственным развлечением и отрадой заключенного были разговоры с бахадским воришкой, которого в тесноте и безделии разносило безостановочно трепать языком, вымогать деньги и спорить об этических аспектах. Через какое-то время надзиратели в очередной раз принесли еду, Махмуд предпочел скорей голодать, чем портить пищеварение, и отдал свою порцию соседу, а сам продолжал неторопливо рассказывать о себе.

Торговец имел средний возраст — семьдесят восемь лет. На Бахаде продолжительность жизни не была особенно долгая и восьмой десяток лет считался началом дней старика, имевшего седую бороду и посох, но в местах с хорошей медициной люди жили по сто пятьдесят и более лет, а если кто-то имел седину, то за его спиной гарантированно лежал целый прожитый век. Едва Аль-Фарха мог предположить, будто знакомство с уличным воришкой и случайным сокамерником продлится долго, а потому говорил о себе без всяких стеснений еще многие часы, пока наконец не лег спать, опечаленный безысходным положением.

А Бади никак не мог задремать вторые сутки, хоть и привык встречать ночь где придется. Он все ворочался на темничной лежанке, не находя и малейшего покоя своим глазам и мыслям, терзал ногтями стены и прислушивался до гулявших эхом случайных звуков. Вдруг, посреди тишины и сопения торговца, раздался щелчок замков и скрип петель внешней двери. Бади настороженно замер, стараясь расслышать шаги надзирателей, но никак не слышал. Насторожившись еще более, он поднялся и на цыпочках прошмыгнул к решетке, выглядывая наружу. Просунуть голову и посмотреть вдаль коридора он не мог, а потому лишь прислушивался к эху в глубине, ожидая услышать нечто, чего ожидал.

— ...тсс! — тихо шелестело поблизости.

— Никого, — отвечал шепотом другой голос.

— Должен быть тут... Иди плавней... Нас могут заметить...

— Азиз? — тихо позвал заключенный, вытянув руку из-за решетки.

— А? Бади? Он там, — торопливо зашуршали по бетону шлепки босых ног.

— Да тихо вы! — ворчливо шептал первый голос.

— Бади, Бади, — наконец добравшись до нужной камеры, радостно прошептал улыбающийся жулик и схватил руку товарища. Увидев родное чумазое лицо Азиза, плененный обрадовался и того больше. — Мы пришли за тобой... Только тсс... Тураб, открывай скорей.

— Сейчас, — аккуратно перебирая связку ключей, старший быстро выбрал соответствующий номеру камеры, смазал карманной масленкой и сунул в замочную скважину, максимально тихо отворив скрипящую решетку.

— Фух, — всеми клеточками тела чувствуя наступающую свободу и невероятное облегчение, Бади с кружащейся от счастья головой выбрался наружу, оглянувшись на спящего у стенки торговца.

— Уходим скорей, — спешил Тураб закрыть двери.

— Стой. Возьмем его.

— Кого? Его? Зачем?

— Этот эффенди даст нам много денег, если вызволим на свободу, — кивнул Бади. — Я договорился с ним.

— Хи, не его ли мы позавчера грабили? — глядел сквозь решетку Азиз.

— Да, это он.

— Берем. Это наш клиент.

— Нет, нет, мы так не договаривались! — ворчливо шептал Тураб. — Вы двое гремите как обкуренные ежики, а этот бабай-ага вообще разбудит всю касбу!

— Он обещал десять солидов.

— И ты в это поверил?

— Я дам вам два солида, если получу десять.

— Не расплывешься жиром от таких денег? Ты за всю жизнь столько в руках не пердержал.

— Тураб, — уговаривал Азиз, загоревшись этой идеей, — ну что тебе стоит? Мы же станем богатыми! Давай! Давай! Давай, скорей! Когда выпадет такой шанс?! У нас же будут деньги!

— Ладно, ладно, — снова открыл старший решетку. — Но, если вдруг случится «вдруг», — вы сами виноваты.

— Эй! Эффенди! — шептал Бади, подойдя на цыпочках и тормоша Махмуда за плечо.

— Бгм?.. — проснулся караванщик. — Что такое?

— Помните ваше обещание? Дать денег? Так вот, идемте, я выведу вас. На все про все — десять солидов.

— Мгм? — ошарашено глядел Аль-Фарха заспанными глазами на раскрытую решетку и стоящих там малолетних жуликов с ключами.

— Двигай шароварами, папаша, — поторапливал Тураб.

— Д-да, да... — полусонный торгаш нерасторопно встал и поспешил к выходу. Когда все выбрались, старший запер решетку и повел их по коридору. Темничный подвал касбы Бахада составлял целый лабиринт запутанных галерей, созданных с целью максимально осложнить побег, однако и к счастью ленивые надзиратели садили заключенных в ближайшей ветке, чтобы самим далеко не шастать.

— Тсс...

— Ох... Гх... Это точно не сон? — вкоччуще пыхтел Махмуд, пытаясь шагать столь же тихо как бахадские воры. Вопреки преленостному облику, караванщик оказался достаточно ловок, аккуратен и быстро поспевал за своими освободителями.

— Если дадите Бади деньги — то не сон, — ответил Азиз.

— И сколько он вам обещал?

— Два солида.

— М? Взял десять и даешь два? Похоже, мальчик, ты тоже в душе торговец.

— Я ведь никого не обманиваю, — кивнул Бади. — И вы нас не вздумайте обмануть.

— Тсс!.. Да тихо вы все!..

Добравшись до внешней двери, Тураб отворил ее ключом, выпустил всех и запер снаружи. Между темным подвалом и выходом на свободу находилась дежурная комната надзирателя, который здесь нес свою службу, записывал проходящих и следил за порядком через видеонаблюдение. Конкретно в данный момент надзиратель спал в отключке за столом сбоку, положив морду на клавиатуру, хрипло сопя и опустив руки словно веревки. Вокруг стола на стенах висели плиткой панели мониторов, полные сообщений об ошибке.

— Мы его усыпили и отключили камеры, — хвастался Азиз, не стесняясь сгребать с полка вещи надзирателя и засовывать в карман.

— Не тормозите, быстрее наверх, — скомандовал старший, подкрадываясь к спящему охраннику, дабы оставить связку ключей на его поясе.

— Подожди. Здесь мое добро, — Махмуд остановился пред стеной с ячейками-ящиками, хранившими личные пожитки заключенных. Взяв поблизости учиненный ключ, он торопливо открывал одну за одной дверцы. — Ничего нет... Нигде нет...

— Папаша, вряд ли твои брюлики остались без нового владельца.

— Ты не понимаешь!..

Торговец все открывал ячейку за ячейкой с скоростью заправского взломщика-грабителя. Вдруг неожиданно для всех и самого себя он наткнулся на свои вещи, найдя в целости и оружейный пояс, и украшения, и прочее важное имущество.

— А я возьму это, — загоревшись азартом, Азиз вдобавок пытался стащить с бокового стола громоздкий коробок. — Ох, какой тяжелый...

— Бросьте его, — шептал караванщик, накидывая на плечо бандольеру, — Я дам вам денег, только давайте поспешим.

— Ладно, ладно, — оставив добычу, они покрались к приоткрытой второй двери, которая вела к бетонной лестнице, выходившей в галереи нижнего этажа касбы. Стояла глубокая ночь, уличный свет проливался через верхние оконца, озаряя арочные своды, каменные стены песчаного цвета и агатовый пол. Касба находилась во внутреннем городе медины, опоясывала дворец шаха своими укреплениями и зенитными башнями. Беглецы тихонько прокрадывались мимо часовых и избегали камер, пока не вышли черным ходом за пределы стен.

— Дело сделано. Спасибо, ребята, — наслаждался Бади сладостным воздухом свободы и с веселой душой глядел на звездное небо, заглушаемое светом городских огней. Потайной ход и тяжелая бронедверь вывели их в широкий безлюдный переулок между крепостной стеной и высокими домами из прочного камня, какие стояли по всему внутреннему городу. Его улицы были просторней и прямей, нежели в остальной медине, освещались уличными фонарями, украшались садами, фонтанами и затенялись многоэтажными зданиями. Ко всему прочему они отличались тишиной и отсутствием заторов, мотороллеры и ослы во внутреннем городе практически не ездили, чтобы не тревожить своим бибиканьем и мельканием возвышенную бахадскую знать, спящую в своих помпезных особняках, чьи геометричные стены отделаны мозаикой из самоцветов, белоснежным мрамором и хрусталем, лентами из золота и балконами с ширмами из резного дерева.

— Бади, Бади! У вас получилось! — выбравшись из подворотни, их встретила еще одна бродяжка — Сита, стоявшая в прикрытии. Она была уличным хакером, владела инженерным КПК, взломала электронный замок на внешней бронедвери касбы и разобралась с камерами. — А-а? А этот эффенди — кто?

— Очень щедрый богач, — ответил Тураб, отходя с компанией подальше от стен злощастной крепости. — Сколько будет два солида разделить на три человека?

— Одна драка, — ответил Азиз.

— Ладно, даю три, — согласился Бади.

— О чем вы? — недоуменно спрашивала Сита, поспевая позади.

— Сверх того, что я обещал, ты получишь двадцать пять тысяч динаров. Скажи спасибо Бади и этому бей-хану. Его лишь нужно в целости и сохранности препроводить в космопорт.

— Можно позвонить через ваш КПК? За мной пришлют челнок, — кивнул Махмуд.

— Конечно, да — ответила взломщик. — Только укроемся в безопасном месте, пока нас не засекли.

Не теряя времени, спешным шагом беглецы отправились сквозь подворотни и переулки, минуя оживленные улицы на пути во внешний город и стараясь не вызвать подозрения редких прохожих. За одним из поворотов послышался топот многих сапог и влетела на дорогу целая толпа неизвестных чужаков с пушками, столкнувшись лицом к лицу с богачом.

— А! — испугался Азиз, подняв руки. Бади спрятался за ним, а Тураб притворился столбом.

— Махмуд?! — с недоумением на лице воскликнул передний из них — лысый чернокожий амбал в бронежилете, держащий в оголенных руках штурмовую винтовку.

— Саиф?! Вы что удумали? — спросил огорошенный торговец, видя посреди улиц Бахада своих подчиненных. Их насчитывалось человек двадцать, включая лучших наемников,

преданных слуг и нескольких жен. Они были вооружены до зубов всем, что только нашлось на борту Каркадана: в полумраке квартала сверкали поднятые вверх стволы рельсовых автоматов и дробовиков, гранатометы, крупнокалиберные пистолеты и лезвия виброчечей.

— Мы пришли тебя вызволить! — ответила полнотелая женщина в скафандре, поверх которого носила узорчатую накидку горчичного цвета. Это была Зубейда — одна из жен Аль-Фарха. В ее руках также была винтовка, а под одеждами множество амуниции.

— Я уже вызволился, уходим скорей.

Из бокового переулка между ними показался стражник, вышедший на шум. Не успел он открыть рот и расспросить о целях непонятного собрания, как толпа меткими и тихими свистящими выстрелами порешила несчастного блюстителя правопорядка на месте.

— Прекратите! — замахал руками опешивший торговец, глянув на труп и в трепете понизив голос — вы совсем рехнулись — убивать стражников?! Вы хотите сделать меня врагом всему Саламандару?!

— Простите, эффенди... — промычали они.

— Что смотрите на меня?! Нельзя его здесь оставлять — берите с собой!

— Да, господин! — подбежали несколько человек, поднимая мертвого и зачищая сапогами следы на дороге.

— Ошалелые! Вы бы еще начали орбитальную бомбардировку! Или спустили с поводка Зикру! — пока заматались улики, Махмуд подходил к своим, не столь радуясь долгожданному освобождению, сколь недовольствуясь устроенным бедламом и опасаясь его последствий. Беспризорники хотели было напомнить о своих героических заслугах и про обещанные деньги, как вдали эхом загудела сирена.

— Вай, — прижухла Зубейда, — слегка не вовремя...

— Мгы-ых! — раздраженно застонал торговец. — Быстрее, уходим! Зачем вы устроили этот бардак?! Просто заплатили бы визирю денег!

— Он требовал пять тысяч, а потом тонко намекал на десять. Переговоры затянулись, — оправдывалась она, переходя на бег. — Ситуация была критической. Наш челнок на старой площади в рыночных кварталах!

— Зачем так далеко? Призови его сюда.

— Мы возле дворца, — сказал Саиф, — раз тревога поднялась, точно собьют на подлете!

— А деньги?! — кричали бродяги, следовавшие хвостом.

— Эй, вы! — приостановившись, глянул Махмуд на своих малолетних знакомых. — Будете нашими проводниками? Дам каждому по четыре солида сверх того, что обещал этому мальчишке. Выведите нас и не останетесь без награды.

Не имея сил отказаться от столь щедрого предложения, жулики рискнули помочь и побежали во главе команды торговца, нащупывая известную лишь им одним безопасную дорогу. Сигнал тревоги не прекращался, взболомошив ночные кварталы. Рысью бахадские воры добрались до черты, разделявшей внутренний и внешний город, коей служила условная стена из выстроенных вплотную друг ко другу каменных домов. Пересекали эту границу городских районов через увенчанные арками главные улицы, где всегда несли дежурство часовые, не пускавшие к благородным людям грязный сброд из внешней медины. Помимо того существовало множество негласных переходов сквозь стену, в один из которых жулики провели беглецов, найдя в закоулке неприметный водосточный люк и спустившись вниз.

— Ох, кх-кх-кх! Клоака maxima¹! — кряхтя и морща нос, Махмуд шагал по сырому тоннелю с низкими потолками. Под сапогами торговца хрустел мусор и камни, а в нос била отвратительная вонь гниющих отходов. В подземелье стояла абсолютная темнота, так что команде пришлось включить фонари. Свет вылавливал витавшие тучи гнуса, каменные стены, ребри-

¹ Самое мерзкое и вонючее место, которое только можно вообразить.

стый потолок и засыпанный помоями пол, по которому разбегались стаи крыс. — В какую дыру вы нас завели, прохвосты?

— Не паникуйте, это самый лучший проход, — ответил худощавый Тураб, спокойно переступая мусор. — Или вы согласились бы лезть на крышу? У стражников дроны-разведчики и сюда они точно не залетят.

— Понял, кх-кх! — кивнул торговец, приставными шагами поторапливаясь за проводниками и подгоняя своих. — Быстрее. Саиф, подгоняй хвост.

— Шевелитесь! — пронзительно гаркнул воин, прогудев эхом на весь тоннель.

— Уж лучше на крышу, — пищал Азиз, толкаясь с Бади, Ситой и мучительно переставляя босые ноги по колющему мусору, — чем топтаться в этой канализации с кучей дохлых крыс и битым стеклом.

— Так, значит, за меня хотели десять тысяч солидов? — продолжил Аль-Фарха разговор со своими.

— Как минимум! Мы собрались угрожать орбитальной бомбардировкой, но Эсфула запретила, — поведала Зубейда. В скафандре и шлеме ее совершенно не тревожили запахи. — Тогда решились на наземный штурм.

— И вы вздумали безбашенно вломиться с оружием в касбу? Отдали бы уже эти несчастные десять тысяч!

— Мало ты денег у этого торгаша выклянчил... — шепнул Азиз в уши Бади.

— Ну-у, вообще-то, по нашему четко продуманному плану, мы должны были взорвать генератор планетарного щита, а освобождала вас Зикра, а потом бы мы унеслись шаттлом. В качестве запасного плана, мы взяли бы заложников во дворце, обменяв на вашу свободу.

— Какие взрывы?! Какие заложники?! Меня не было четверо суток и вы успели вконец выжить из ума! — схватился за голову Махмуд. — В следующий раз, никакой самовольщины и штурмов без моего ведома!.. Кх-кх!..

— Ладно, эффенди...

— Саиф? А ты куда смотрел?

— Вас арестовали — какой у нас имелся выбор? — оправдывался наемник.

— Здесь такие милые тараканчики ползают, — в хвосте группы шла еще одна жена торговца — Тамам, то и дело останавливающаяся рассматривать жителей помойки. — Это большой шипящий таракан... Очень шипящий... Эффенди!

— А?

— Не ругайся, эффенди, но можно я возьму одного тараканчика с собой?

— Кошмар... — тяжело вздохнул Махмуд, выглядывая позади себя. — Никаких тараканов на борту моего корабля.

— Но я только одного. И у меня уже живет в террариуме пять тараканов.

— Откуда? Я же запретил.

— Я их поймала в трюме и принесла себе. Не ругайся, эффенди.

— Зачем вы только взяли Тамам? И дали ей оружие? Ей зубочистку нельзя доверять, она ей порежется. А вы дали гранатомет.

— Вообще-то, я хорошо владею оружием, — недовольно пробурчала она, — особенно автоматическим гранатометом.

— Ух! — провалилась Зубейда ногою в кучу мусора — Ах!.. Не могу вылезти!..

— Не дергайтесь, — схватил ее за локоть Саиф, рывком высвободив из ловушки. — Идите по камням.

— Нам сюда, — остановился Тураб возле очередного лаза наверх. Беспризорники ловко взобрались по вкрученной в камень лестнице и выбрались на поверхность, разведывая обстановку в медине. Завывающий сигнал тревоги не утихал, вдали слышались крики, собачий лай и топот копыт, а высоко в небе витали жужжащие дроны-разведчики, острым взором оптики про-

смаатривая кварталы. Водосточный лаз выходил на переплетение типичных узеньких и кривых бахадских улочек среди глиняно-кирпичных домов. Внутренний город остался далеко позади, по правой стороне отстояла главная рыночная улица, а слева и впереди раскинулись лабиринтом простецкие жилые кварталы.

— Чувствую, нас по головке не погладят, — глядел Азиз на бегающий далеко свет прожекторов. — Сита, можешь обмануть эти летающие штуки?

— Нет, они только еще сильнее заметят.

— Надо спрятаться, пока тревога не утихнет, — сказал Тураб.

— Мы спрячемся, а наш хвост точно нет, — отрицательно замотал головой Бади.

— Эх... зато сколько денег теперь будет, — воображал Азиз.

— Ага.

— Я куплю себе скафандр, чтобы не мерзнуть ночью и охлаждаться днем.

— Сначала получи деньги, а потом уже трать, — напомнил старший.

— А ты что купишь?

— Вложу их в дело.

— Какое?

— Не твое дело, какое дело.

— Махнем через кварталы Зулмана и залезем в старые колодцы, — предложил Бади.

— Нам сейчас только туда, — кивнул Азиз.

— Эй! — послышался голос еще нескольких оборванцев с крыши. — Вы что тут делаете?

Что случилось? Вся мекка на ушах стоит!

— Спрячьтесь, — поднял голову Тураб.

— Нам ли прятаться? Мы спрятаны. А вот к вам идут стражники.

— Отвлеките их. Башиш каждому.

— Они уже здесь, — выглядывала Сита из-за угла самой широкой улицы, ведущей к рынку.

— Бей-эффенди, — обернулся старший, подбегая к вылезавшему из шахты Махмуду.

— А?

— Прячьтесь обратно! — шептал он, снимая тюбетейку. — Сюда идут патрули. Замрите и смешайтесь с мусором.

— Ох, вы издеваетесь?

— Да, — упал Тураб на землю, закатил глаза и высунул язык.

— Представление начинается... — объявил Бади.

— Стоять, грязные крысы! — с криком и топотом прибежала дюжина солдат, окружая беспризорников. Один из них лежал бездыханным возле канализации, другие двое на коленях скрутились возле него, пытаясь оказать помощь, Сита неутешно рыдала у его костлявых ног. — Что здесь происходит?!

— Змея! — с широко раскрытыми глазами вскричал Азиз, поднимаясь на ноги и подбегая к стражникам. — Нашего друга укусила огромная змея из той дыры! Помогите, эффенди! Помогите! Он умирает! Это единственный кормилец в нашей семье!

— ...Мы ведь даже не обручились, и я уже вдова-а-а!.. — завывала Сита, сгребая вокруг прах и посыпая свою чернявую голову.

— Помогите! Пожалуйста! Эффенди! Эффенди! Моя сестра умрет с горя! — упал он на колени пред стражами порядка, разорвал на себе рубашку, бился в истерике и громко кричал, норовя хвататься за их сапоги.

— Вах? — встал столбом сержант, придя в замешательство. — Нам некогда с вами возиться! Мы ищем сбежавших преступников. Вы никого здесь не видели?

— Да хоть кто-нибудь бы пришел и помог! Не бросайте нас! Не уходите! Он еле дышит!

— Игид, Гарай, загляните в тоннель! — приказал командир своим воинам. Вызванные люди направились к водосточной шахте, держа оружие на изготовке и сочувственно поглядывая на убитых горем оборванцев.

— Там жуткая черно-желтая змея! Не лазайте туда!

— Давайте, живей! — махнул он стражникам, видя их чрезмерную осторожность.

— Сержант Мансаб, есть врач в паре кварталов отсюда, — сказал боец, стоявший подле начальника.

— Если его укусил крайт, то парень — уже не жилец!

Ленивые солдаты нехотя слезли вниз. Тянулись длинные и протяжные секунды, сопровождаемые стенанием трех оборванцев и хрипом четвертого, но спустившиеся не подавали голоса и не спешили вернуться наверх.

— Эй! — рявкнул командир. — Вы там уснули?! Что внизу?! Эй, вы, двое, поторопите их!

С еще большим нежеланием к тоннелю подошла вторая парочка солдат, издали осторожно заглядывая вниз:

— Там никого!

— Вот! Вот! — кричал Бади. — Их тоже убили змеи!

— Змеи?! Вы нас за идиотов держите?! — заподозрив неладное, сержант со всего размаху пнул сапогом Азиза. Худощавый мальчишка отлетел и покатился по дороге. — Скорей прикончите этих скулящих выроdkов!

Воины вскинули стволы карабинов, чтобы исполнить расстрельный приказ. Замолкнув от страха, бродяги перестали прикидываться плачущими и прикинулись мертвыми. В тот момент с крыши двухэтажного дома промелькнула тень, спрыгнув напрямик на голову сержанта и свалив того на землю. В полумраке улицы блеснуло виртуозным взмахом лезвие виброкинжала, пронзив его грудь. Со сверхчеловеческой скоростью вскочив молниеносным рывком, неведомая фигура за мгновение разрубила торс ближайшего стражника и вонзила клинок в третьего, вынула пару тяжелых пистолетов и оглушительными пламенными выстрелами озаорила улицу, за считанные секунды расстреляв целый отряд ошеломленных неожиданностью солдат гарнизона.

— Ух! — лежал Бади распластавшись по земле и слышал только пробиравший насквозь грохот пальбы рельсового оружия. Приоткрыв один глаз, он увидел кучу трупов, среди которых ходила неведомая тень в черном скафандре, контрольными выстрелами хладнокровно добивавшая стражников. Закончив экзекуцию и совсем не тронув воришек, сумрачная фигура подобралась плавными и тонкими шажками ко входу в тоннель.

— Махмуд-эффенди! — произнесла она тихим голоском. — Вылезайте, все чисто.

— Зикра?! Какого лешего?! — прогудел изнутри сварливый голос торгаша. — Кх-кх!..

— Эффенди, давайте я помогу, — протянула та руку.

— Я сам! — кашляя и карабкаясь по металлической лестнице, Аль-Фарха наконец высвободился из водостока, осматривая побоище. — Вай, вай, ва-а-ай... сколько проблем взялось на мою бедную голову... Саиф!

— Да? — следом вылез со своим автоматом чернокожий силач.

— Подгоняй хвост, — глядел торговец под ноги, на лежавших Тураба и его друзей, продолжавших искусно прикидываться мертвыми. — Вставайте, ведите нас самой быстрой дорогой.

— О-о-ой... — поднимался на четвереньки Азиз, держась за брюхо, — меня сильно ударили, а-ах... о! Какой красивый браслетик у этого стражника... Бади! Скорей обираем их!

Пока отряд освободителей-беглецов выбирался из тоннеля, Махмуд отчитывал Зикру — человека в тонком и элегантном бронескафандре, одну из его жен, профессиональную телохранительницу. Беспризорники тем ходом вскочили обирать погибших: Азиз срывал брюлики,

Бади выскребывал мелочь из чужих карманов, Сита обзавелась сержантским коммуникатором, а Тураб спешно мерил сапоги. Они бы непременно забрали и пистолеты, и карабины стражей порядка, однако все вооружение бахадского гарнизона было предусмотрительно снабжено био-защитой от чужих посягательств и срабатывало исключительно в руках служителей шаха. Тем ходом над головами разыскиваемых промчался жужжащий дрон-разведчик, заметив подозрительное скопище народа и начав витать кругами.

— Скорее, сбейте его! — приказал торговец. Несколько наемников выстрелили в воздух, разорвав наблюдателя в клочья.

— Дело плохо, — покачала головой Сита, глядя как ошметки падали на крыши.

Вдруг сверх всего шума раздался грохот взрыва, сотрясший несчастную медину.

— Генераторы щита взорваны, — сказала Зикра. — Я все заминировала.

— Отлично! Можно начинать ядерную бомбардировку, — кивнула Зубейда.

— Вай-вай-вай, бедная моя голова... уходим! Ведите нас! — шевеля сапогами вслед проводников, Махмуд коснулся пальцем своего изящного белого наушника, силой мысли установив соединение с флагманом. — Эсфула, ответь.

— Да? — послышался взволнованный голос в наушнике Аль-Фарха. — Вы живы?!

— Пока живы. Готовься быстро уносить ноги! Где конвой?

— Отступает к точке перехода, на орбите только Каркадан.

— План сорвался! — объяснила по своей линии Зубейда. — Поднялась тревога и мы вляпались в перестрелку! Сейчас бежим до транспорта!

— Ох... — испугано затихла Эсфула, — никто не ранен?

— Нет, — ответил караванщик.

— Я... я готова выпустить штурмовики и открыть огонь. Как только прикажите. Гарнизонный флот пытается окружить нас, но отобьемся.

— Надеюсь пронесет, — быстро переставлял ноги Аль-Фарха. — Свяжись с визирем и постарайся все успокоить.

— Стражники! Назад, назад! — выглянув за очередной угол, шепотом предупредили бахадцы и воротили отряд, запрятав в одном из переулков.

— В таком кавардаке нам уже не взлететь! — неутешительно рассудил Саиф, глядя на небо. — Собыют одним махом!

— Постараемся! — воспротивилась Зубейда.

— Давайте спрячемся, — обернувшись к чужакам, предложил Тураб. — Ведите переговоры с визирем и сидите в убежище. Ваш негр прав, и, если тот челнок не укрыт сверхмощными щитами с десятками метров брони — лучше нам зарыться под землю.

— Наша система ближнего боя собьет что угодно.

— Восемь лазерных башен, по гигаватту каждая, охраняют касбу. И это не считая всех ракет и перехватчиков.

— Мы прекрасно все знаем и прорвемся.

— Ушли направо... — прошептал Азиз, выглядывая из-за угла.

— Вперед, — махнул Бади отряду.

— Не взлетим... — вздохнул Саиф, поспевая за спинами воришек. — Можно даже не пытаться.

— Мы ведь составляли план, и все просчитали, — настаивала Зубейда.

— Ваш план уже провалился дважды, если не трижды!

— Если останемся, нас рано или поздно выследят, — сказала Тамам.

— Вах-вах... — вздохнул Махмуд, слушая то одного, то другого советчика, начавших спорить и перекликаться, — да, замолчите уже! Голова от вас звенит! Скажите что-то мудрое или молчите!

— Позвольте сказать мне, — ответила Эсфула по связи. — В ваш район стекаются все войска города.

— Выпускай штурмовики для прикрытия, попробуйте взломать защиту касбы и отключить ПВО. Отзови челнок к нам синхронно с появлением штурмовиков.

— Хорошо. Займет примерно восемь минут.

— И начни переговоры, пригрозив оружием. Доводи счет до десяти тысяч.

— Поняла.

— Воришки! — глянул торговец на Бади и его друзей. — Заведите нас в безопасное место на крышу.

Скорректировав план действий, отряд Махмуда пошел руководимый проводниками к ближайшему старому бедному кварталу. Сколько бы вооруженная толпа чужаков не старалась быть незаметной и миролюбивой, но вызывала крики и панику местных жителей одним своим видом, заставляя прохожих в страхе прятаться, где придется. В конце концов, бросив скрытность и незаметность, они рванули спринтом по широкой улице. Над их головами послышался свист пуль, за беглецами мчался целый взвод бахадского гарнизона, люди Аль-Фарха отстреливались на ходу, загоняемые плотным огнем в подворотни.

— Дело плохо! — крикнул Саиф, выглядывая из-за укрытия. Спереди их дороги выехали навстречу несколько шестиколесных броневинов, из которых выскочил еще отряд, пока машины перегораживали улицу.

— Вижу, вижу, — держа пистолет, формально отстреливался Махмуд, целясь над головами стражников.

— Огонь в небе, — смотрела Тамам в просвет между крыш на вспыхивающие яркие звездочки, чье сияние прорывалось сквозь желтое городское зарево.

— Эффенди, — раздался напряженный голос Эсфулы по связи, — сторожевой флот открыл огонь по Каркадану.

— Уже заметили, — глянул Аль-Фарха наверх, — отбивайся от них.

— Сюда! — махнул рукой Тураб, уходя в глубины узкого переулочка. Скользя рукой по глиняным стенам домов, он забежал на несколько шагов вперед колонны и выглядывал за повороты, выбирая куда идти в лабиринте улиц. — Эй! Азиз! Вы где?!

— А!.. — послышался крик из соседнего переулочка.

— Направо, давайте, — повернул старший, мчась к следующей развилке лабиринта улиц. Внезапно пред лицом жулика выскочил из подворотни стражник, произведя выстрел по несчастному. Ошеломленный ранением парень рухнул на бегу под ноги солдата, которого мигом расстрелял Саиф.

— Эй! — нагнулся торговец над упавшим, осматривая и ощупывая его. — Ты жив?

— Он тяжело ранен, шоковое состояние, пульс теряется, — присела Тамам, глядя через сенсоры своего скафандра.

— Хватайте его!.. Эй, Бади! Вы где?!

— Они на другой улице! Не стойте, эффенди! — повел наемник своего хозяина, укрывая от неожиданностей крепким плечом и держа навскидку автомат. Следом за ними несли раненого юношу, на ходу вводя ему лекарства и обрабатывая медицинским спреем рану. Через несколько кривых поворотов торговец воссоединился с остальными бродягами, с испугом увидавших бездыханного товарища.

— Тураб!.. Что с ним?! Он жив?! — воскликнули Бади, Азиз и Сита. Теперь без малейшего притворства они подбежали и схватились за умирающего друга, горестно смотря то на него, то на своих клиентов.

— Не стойте столбом, ведите нас! — махнул пистолетом торговец.

Бади пошел впереди главным проводником, найдя путь сквозь запутанные подворотни и приведя отряд к площадке заброшенного заводского предприятия, среди которого стоял

пустой двухэтажный склад, чей грубый бетонный фасад был на голову выше глиняных домиков старого района. Промышленное здание и его округа уже многие годы бесхозно ветшали под небом и нищие частенько прятались в нем. Люди Махмуда заняли оба этажа, засев для круговой обороны возле больших оконных проемов.

Забежав на верхний уровень торговец прижался к стене и урывками выглядывал на улицу. На их головы стекалась целая армия, к воротам завода подъезжали вездеходы и всадники, а вдали мелькали военные челноки, высаживая на крыши стрелков, но место для обороны попало хорошее, окрестность далеко просматривалась и хорошо простреливалась. Гарнизон по всей видимости получил приказ взять богатого гостя живьем, отчего брезговал применять артиллерию и разрывные пули, планомерно сдавливая чужаков в тиски.

— Эсфула!

— Свою крыло с орбиты, осталось минут пять.

— Держитесь! — крикнул торговец, высунув свой пистолет в окно и нажимая на курок. Первую минуту обороняющиеся взяли инициативу, заставив осмелевших бахадских стражников бросить мысль о быстром наступлении, но скоро выехали на позицию броневики и по людям Махмуда ударил буквально ливень огня из автопушек и пулеметов, с диким грохотом сотрясая все вокруг. Снаряды терзали обветшалый склад, пыль и крошки бетона сыпались градом на головы беглецов и поднималась повсюду удушливая мгла. Казалось вот-вот и ветхое здание сложится в кучу мусора, погребя их вместе с собой. В страхе Бади с товарищами забился на дно первого этажа, воришки уже десять раз пожалели, что ввязались в эту авантюру, и совершенно забыли про обещанные баснословные деньги, мечтая сейчас лишь выбраться живыми из переделки.

— Нужно убежать! — пропищал Азиз.

— Куда нам бежать? — завывала Сита. — Мы в окружении.

Снаряды рвали в клочья стены и смертоносные осколки свистели повсюду, разыскивая себе жертву. Бади чувствовал, как по нему бьют со всех сторон маленькие камушки, плуту казалось будто его уже тысячу раз успели ранить, зажмурившись от пыли и прижавшись как можно ближе к полу, он, вместе с Азизом и Ситой, накрыл бездыханного Тураба, положив ладонь на его глаза.

— Как там переговоры?! Не задались?! — спросила Зубейда, швыряя через окно взрывчатку на осаждающих. Вокруг склада один за одним гремели взрывы, поднимая в небо пыль и заставляя все ходить ходуном.

— Нет. Просят сложить оружие, — ответила Эсфула.

— Скажи, что мы сложим! — протяжно крикнул от другой стены Саиф между выпускаемыми очередями. — Пусть хоть ненадолго умолкнут!

— Сюда летит чужой шаттл! — воскликнул один из наемников.

— Теперь нас точно выкурят... — спряталась Зубейда в укрытие. К складу стремительно приближались пара вооруженных штурмовиков. Долетев и зависнув над заводом, они светили вовнутрь ослепительными прожекторами, белые лучи света прорывались сквозь окна и дыры, бегали в темной пыльной мгле и выискивали затаившихся. Отряд Махмуда приготовился к худшему, но вдруг стрельба на улице утихла, замер грохот пулеметов и склад окутала тишина.

— Вы окружены! Сопротивление бесполезно! — с треском раздался нарочитый дикторский голос из громкоговорителя на летуне. — Сдавайтесь! И мы гарантируем вам жизнь!

— Хорошо! — крикнул Аль-Фарха в ответ, украдкой выглядывая в окно и шурясь от света. — Только подождите немного!

— Махмуд, собачье дерьмо! Неужели ты настолько глуп, что вознамерился угрожать нам оружием?! Сдавайся сейчас же, плати деньги или мы снесем эту кучу камней вместе с тобой!

— Эсфула.

— Да?

— Выстрели вторым калибром в пустое место рядом с городом, — произнес торговец по связи, смело вышел на свет и встал напротив большого окна, приподняв безоружные руки. — Передайте мои слова вашему визирю и шаху! Отпустите меня и моих людей. Дайте уйти челноком. Иначе я разнесу этот грязный, вонючий и полный воров глиняный город! Какая мне разница, если вы убьете меня?! Всеми вашему флоту не остановить мой крейсер! Стоит мне умереть и мои люди истребят весь Бахад орбитальной бомбардировкой!

Как только Махмуд договорил, в ночном горизонте вспыхнул с неба ослепительно-яркий пламенный луч, заглушивший сиянием даже прожекторы, озаривший все подобно молнии и ударивший далеко в пустыне по скалам. Спустя долгие и ошеломительные секунды после того медину накрыл зловеющий рокот грома и встряхнула несколько раз ударная волна.

— Следующий выстрел будет ровно по дворцу вашего шаха! — крикнул Аль-Фарха к замолкшим переговорщикам и трепещущим на улице стражникам.

— Ну вот, — покачала головой Зубейда, сидевшая на корточках. — Сразу все надо было решать орбитальной бомбардировкой.

— Проваливайте, мятежные псы! — негромко рявкнул смущенный голос из штурмовика, отлетавшего назад.

— ПВО отключено... — вдруг радостно прошептала Эсфула. — Челнок снижается, скорей уходите!

Бросая истерзанный пальбой склад, наемники бежали к лестнице, взбираясь на крышу. Отдавая всем приказ отступления Махмуд спустился на нижний этаж к своим знакомым беспризорникам:

— Мы взлетаем! Вы с нами?

— Да, да, — подняли те головы. — А Турабу нужна помощь.

Люди Аль-Фарха подхватили лежавшего раненого и понесли ступеньками наверх, следом поспевали Бади, Азиз и Сита. На крыше здания их ждал громоздкий коричневый шаттл с поднятой боковой дверью, куда спешно взбегали один за другим подчиненные торговца. В пламенном небе над заводом витали кругом словно черные вороны силуэты штурмовых дронов, готовые обрушить на город ракеты и бомбы, сметая в пыль бахадское войско. Вбежав по шершавому пандусу сквозь толстую броню, трое воришек наконец оказались на борту челнока, сопровождая Тураба, которого внесли через узкий переход и положили на середину тесного пассажирского отсека челнока рядом с тремя другими тяжелоранеными наемниками. Закрывались двери, судно зашевелилось и стремительно вздымалось в небо, прижимая народ жестокатым ускорением, заставившим всех хвататься за поручни и крепко держаться ногами.

— Тураб, Тураб, как ты? — трое бродяг склонились сидя на полу над бездыханным товарищем, мало обращая внимание на происходящее вокруг и тот незаурядный факт, что они впервые летят в космос. Худошавый хитрец и мошенник лежал без сознания, с сомкнутыми глазами словно мертвый. Среди его разорванной грязной туники на замершей грудной клетке виднелось белесое пятно медицинского спрея, покрывшее смуглую кожу вокруг сердца.

— Он, кажется, не дышит и пульса нет, — в тихом страхе и смятении трогала Сита его охладевшую шею.

— Вах... Вроде уже... Того, — зажмурился Бади.

— Помогите, пожалуйста, он умирает! — с горестными слезами громко возопил Азиз, глядя на окружающих.

Над остальными тяжелоранеными, получившими по одной-две пули в туловище, упорно возилась Тамам оказывая неотложную помощь то одному, то другому, то третьему, то всем сразу, крутилась в тесноте, бормотала нечто невнятное, подключала какие-то медицинские аппараты из аптечки шаттла и вводила инъекции. На борту больше не нашлось никого должно разбирающегося во врачебном деле, остальные отходили от сражения и старались кое-как

посодействовать лекарю. Получив свободную секунду, Тамам наконец развернулась к лежавшему Турабу:

— Жизнь утекает из него... Кислород, кислород... Адреналина нет совсем, сердце сейчас остановится, — ощупывала она перчатками грудную клетку бродяги и хлопала по его щеке.

— Он умрет? — сквозь душющие слезы промычал Азиз.

— Все мы умрем, — ответила Тамам убитому горем, продолжая отрешенно бормотать и словно не совсем присутствуя здесь. Отвлечшись от раненого, чудаковатая жена торговца начала теперь щупать саму себя. Прошерстив пальцами множественные подsumки и кармашки жилета своего бронекостюма, она вынула маленький изящный футляр, достав из него белый шприц-инъектор. — Один на четверых, один на четверых... ох...

Отвернувшись, Тамам вертела головой, смотрела то на одного раненого, то на другого, то на рыдающего Азиза, то на ассистировавших ей Саифа и Зикру, то на ругавшегося в проходе Махмуда-эффенди, глядевшего в кабину пилотов, где сидела громко хохочущая Зубейда. Сделав выбор, Тамам наклонилась над полумертвым жуликом, подняла руки и всадила иглу в его грудь. Шприц ожил и засветился тонкой алой полосой, медленно уходившей вместе с вводимым веществом.

— Что это? — глядела Сита.

— Наниты, — прошептала Тамам. — Теперь он будет жить.

Сказав это, она взяла запястье Бади и положила на шприц, попросив держать, а сама вернулась к остальным раненым, больше не обращая внимания на Тураба. Полоса стремительно уткнулась вниз вместе с чудодейственными нанитами, бродяги с надеждой глядели на товарища, но ловкий мошенник продолжал лежать как мертвец и лишь едва заметный пульс не утихал в его жилах. Бади все держал инъектор, не чувствуя ни своей руки, ни усталости, и даже не заметив, как вдруг пропала с борта шаттла перегрузка ускорения. Минуты проносились как один миг и вскоре челнок уже совершил посадку в трюме крейсера, открывая боковую дверь. На Каркадане их ждала помощь и куча экипажа, готового экстренно класть тяжелораненых на носилки. Вновь поднялась суматоха, Тураба вытащили наружу вместе с остальными и скорей унесли от глаз товарищей в медотсек.

Глава 2. Курьезы бюрократии

I

Галактика Аквитания, система Фулкрум, планета Агратес, атриум главной башни Академии. За 15 лет прежде событий на Бахаде.

В светлом и по-корпоративному строгом административном зале сидела в ожидании длинная и большая очередь. Десятки разномастных молодых людей коротали томительное время на мягких диванчиках и рядах кресел в центре зала, ходили и слонялись по отполированному до зеркального блеска полу, тихонько шептались друг с другом и ждали своей чреды. В глубине помещения, над канцелярскими столами приемной зоны, где работали не покладая рук секретари-чиновники, горело массивное табло очереди с забитыми на многие километры позициями. Как только высвечивался новый номер, подходил к столам очередной проситель, предоставляя свои документы.

В тыльной стороне зала находилось широкое панорамное окно, заменявшее стену, сквозь которое виднелся с высоты огромный, величественный и простором подобный уличной площади атриум нижних этажей небоскреба, по сравнению с которым упомянутый зал ожидания казался ничтожнейшей каморкой. Атриум был увенчан куполообразным потолком и украшен пышной ампельной зеленью, свисавшей с пешеходных ниш на круглых стенках, спускавшейся между органическими изгибами изящных молочно-белых пилястр и панорамных окон множества других этажей. В его центре уходил сквозь потолок лифтовый столб, ведущий до самых вершин многокилометрового здания, снаружи имеющего вид длинного осколка кристалла, играющего на солнце множеством неровных граней цвета чистой бирюзы. Но ждущих своей очереди молодых людей давно не удивляли архитектурные изыски главной башни Академии Агратеса, стоявшей посреди шумного экуменополиса, застроенного небоскребами. Они провели в этих стенах по несколько лет, проходя одну за одной ступени обучения, а теперь выбрали чем займутся дальше.

Академия Агратеса считалась лучшим учебным заведением в известной вселенной. Многие были готовы проделать опасный путь и пересечь несколько галактик ради того, чтобы поступить сюда. Здесь учились представители самых разных народов, и местные, и далекие чужаки, и последние нищие, и самые помпезные богачи. Отсюда выходили чиновники, инженеры, офицеры флота, деятели искусства, политики, ученые, фермеры, программисты, предприниматели и авантюристы. На первый взгляд могло показаться, что обучение в Академии Агратеса просто обременено стоить несметных денег, но вопреки тому образование здесь было совершенно бесплатным, ибо брать деньги за такую вещь считалось опрометчивой глупостью. Корпоративное правительство могущественной планеты-города Агратес и без того баснословно богато, нуждаясь отнюдь не в налогах с нищих иммигрантов, а в человеческих ресурсах. Приходившие в Академию, пусть хоть десятитысячная доля из них, могли бы впоследствии стать крайне полезны для Агратеса и занять важные должности, с лихвой покрыв любые расходы на свое обучение. Поэтому Академия не смотрела на лица и происхождение приходящих, зная, что полезные люди скрываются в самых неожиданных местах.

На табло постепенно сменялись позиции и номера, отходили одни студенты и появлялись другие, тянулись одна за одной долгие минуты, словно нити сплетавшие новый час на тканном полотне вечности. Ожидаящие как могли коротали время: кто-то просто вздыхал и наблюдал

за очередью, кто-то пытался вздремнуть в креслах, кто-то витал в облаках, кто-то ходил туда-сюда, кто-то вел разговоры и болтовню. Среди кучи народа затерялся бледнокожий худощавый юноша в темно-зеленом пальто, по капюшону и плечами которого спускались длинные вороньи пряди волос. Звали его Мирел. Мирел Мурхада. Он стоял у окна, глядя вниз на ходившие по залу атриума фигурки и витая мыслями сквозь время и пространство. Отнюдь не стоило полагать, якобы слова о полезности относились к нему. Скорей, они были адресованы к тем самым людям внизу, за которыми наблюдал Мирел.

Позади этого человека двое незнакомцев, в расстегнутых пиджаках и отутюженных светлых рубашках, пили кофе и бурно обсуждали планы.

— ...Я слышал недавно, прошлому выпуску давали квартиры в Центральном районе, — говорил один. — Эх-хех! Нам бы такое счастье перепало...

— Вранье все это, — протяжно ответил второй. — Никто в центре апартаменты кому-то не даст.

— Да давали! — настаивал первый. — Почти все казначейство там живет.

— В казначейство по-любому нас не возьмут.

— Ну-у-у... Смотря как попросить... Как я говорил, здесь все чисто через знакомых... У тебя скоро второй ребенок, тебя, конечно, не обидят... А мне хоть кладовку, да лишь бы в центре... Эй, ты! — окликнул он стоявшего возле окна. — А ты где квартиру попросишь?

— М? — обернулся Мирел, пожав плечами и ответив тихим неприметным голосом. — Нигде.

— Значит, ты во флот?

— Нет. Я корабль возьму.

— Торговцем собрался стать?

— Старателем, — так называли авантюристов, ищущих древние артефакты.

— Хех... — хихикнули те двое, смотря на него как на умалишенного. — Он прикалывается?.. Старателем... Братан, ты смерти захотел?

Усмехнувшись, они продолжили обсуждать районы, где лучше выпросить себе квартиру. Сверх бесплатного образования, каждому выпускнику Академии, окончившему основные ступени, Агратес предоставлял на свободный выбор одну из нескольких субсидий, которые помогут устроиться в дальнейшей жизни. Всех вариантов имелось пять штук. Первый — хорошее жилье на Агратесе и трудоустройство на всевозможную гражданскую службу. Второй — жилье на одном из покрытых фермами спутников Агратеса и устройство там на лесосельхозработы. Третий — поступление на военную службу в Дозор, то есть флот Агратеса. Четвертый — небольшое личное судно и торговая лицензия. Пятый — бесплатный билет на родину.

Длинная очередь все двигалась и двигалась. Мирел стоял и думал о своем, продолжая витать мыслями по ткани пространства и течению времени. В древности, лет восемьсот назад, существовала огромная могущественная сверхдержава, называемая «Laniakea Republic» — Республика Ланиакеея. Ее границы простирались на крупное скопление галактик, связанное сетью трансферных мостов и паутиной гиперсветовой связи. Ланиакеея обладала почти недосяжимым уровнем технологий, создавала сотни чудес инженерной мысли, покрывала целые планеты городами, каждый год вводила в строй бесчисленные флоты кораблей, стремилась все к новым пределам космоса и завоевывала окружающие народы.

Республика Ланиакеея была самым синонимом величия и великолепия. Ее города выглядели как струящиеся узоры голубых и пурпурных тонов в белоснежном блеске, как чистое золото на фоне графита, как запутанные и четкие геометрические линии пламенного цвета в каменном базальте, как зелень оттенка холодного изумруда, оплетающая тусклое серебро. Ланиакеейцы без сомнений полагали, что время их Республики обязано быть равноценно вечности, все в ней делалось монолитным и титаническим, готовым простоять тысячи лет и не шелохнуться. Едва кто мог подумать, но Республика Ланиакеея вдруг исчезла — исчезла за счи-

танные десятилетия, сокрушенная гражданской войной и масштабной катастрофой. Огромный взрыв неизвестного устройства в один момент разорвал ткань пространства и стер с лица космоса целое скопление галактик, оставив от могучей сверхдержавы одни ошметки. Падение Республики лаконично назвали «Коллапсом», потому как она словно за мгновение «схлопнулась», исчезнув будто проткнутый мыльный пузырь.

Прошли столетия после озвученного «Коллапса» и катастрофы, уничтожившей невообразимо огромный кусок вселенной. От Ланиакеи сохранились лишь покрытые пылью руины и витающие по космосу обломки, пережившие века люди из капсул времени, древний язык с крылатыми фразами, технологические реликвии и много-много непонятных загадок. Нынешний мир представлял собой разрозненные на тысячи световых лет клочки цивилизации, между которыми лежал дикий космос и вакуум власти. Одним из самых ярких и знаменитых цивилизованных мест считалась планета-государство Директорат Аграстеса — нынешняя жемчужина культуры, науки, промышленности, экономики и дипломатии. Правил Аграстесом корпоративный Совет Директоров во главе с президентом.

И вот, там где существует исчезнувшая высокотехнологичная древняя цивилизация, непременно появятся и люди, занимающиеся исследованием ее остатков в корыстных целях: всевозможные сорта мародеров и археологов. На Аграстесе их благородно и возвышенно именовали «старателями». Именно такую профессию, именно такой род занятий избрал себе Мирел. Но едва в обширном зале ожидания нашлось бы хоть десять человек солидарных с ним, а большинство из выпускников желали навсегда остаться жить на безопасном Аграстесе. И действительно, кто в здравом уме захочет добровольно покинуть это дивное место, эту величественную планету-город, опоясанную четверкой живописных спутников, место с отличной медициной, бесплатной едой и доступным жильем, тысячами развлечений и высокооплачиваемой работой, не требовавшей гробить здоровье? Всеми правдам и неправдами сюда мечтали проникнуть толпы иммигрантов, чтобы стать хотя бы бомжами на улицах Аграстеса, ведь даже бомжи здесь жили вполне себе шикарно и неплохо.

Но Мирел нисколько не боялся дикого космоса и нисколько не желал оставаться на Аграстесе. Его тянуло туда, где из глубин неизвестности аукались отголосками эха непонятные загадки и призрачно веяли большие возможности, где покоились забытые руины древних цивилизаций, мириады безвестных мест и не занесенных на карту точек. Характер этого человека объединял в себе холодную рассудительность с мечтательным витанием в облаках, отрешенность от реальности с прагматизмом, беспорядочность со скрупулезностью и предусмотрительностью. И вопреки всему прагматичному он вполне добровольно решил пойти кривой авантюрной дорожкой, отчетливо представляя, но все-таки совершенно не догадываясь, что его ждет.

И вот, юноша стоял у окна, то и дело оборачиваясь на табло. В конце-концов очередь дошла до него, в кармане пальто задребезжал КПК и пришло сообщение по интросети с указанием подойти ко второму столику. Выпускник прошел сквозь зал ожидания, предстал пред чиновницей и положил свои документы.

— Что вы желаете? — женщина в клетчатом пиджаке подняла глаза от монитора, без удовольствия глянув на очередного просителя.

— Личный капер, — как называли частные космические корабли малого тоннажа.

— Бхм... — опустила она уставшие зрачки, говоря манерно-занудным тоном, — квота на корабли в этом году очень узкая, а желающие приходят один за другим.

Чиновница снова подняла глаза и вопросительно смотрела на студента из-под лобья. Мирел не понимал, что этой многозначительной инсинуацией ему недвусмысленно предлагают выбрать другой вариант, и молчал в ответ. Устав тратить время, секретарь взяла его удостоверение личности и просканировала, а затем около минуты молча глядела в экран и кликала мышкой. Наконец стоявший в углу канцелярского стола принтер беззвучно выплюнул маленькую бумажку, на которую клерк положила удостоверение и пододвинула к просителю.

— Номер космопорта и посадочной площадки в пятом столбце таблицы. Торговую лицензию, ключи и документы судовладельца получаете в головном офисе Навигационного Бюро по адресу справа внизу, — объяснила она. — Можете идти.

— Ага, ясно...

Идя к выходу из зала и лифту, студент читал путеводительный листок и глядел на сухие юридические строчки, разыскивая сведения о предоставленном судне. Обычно просителям выдавали новенький капер самых дешевых моделей, недавно сошедший со стапелей и дождавшийся на консервационных площадках верфи своего первого владельца. Но Мирелу досталось совершенно непонятное судно, стоявшее не пойми где и выпущенное неведь когда.

Спустившись на первый этаж, занимаемый атриумом, юноша направился пешком к выходу из небоскреба. Широкие парадные двери прозрачного фасада выводили на открытый воздух и высокий лестничный порог, сходящий к очень большой квадратной площади перед главным зданием Академии, окруженной массивом высотных учебных корпусов и общежитий. Оканчивалась очередная сессия и куча народа вертелась тут, люди собирались на длинных лавочках вокруг зеленых клумб под стенами кампусов, сидели прямоком на ступеньках парадного входа или вовсе лежа грелись на бетоне. Стояло позднее утро и солнце восходило над городом, просачиваясь лучами над крышами, редкие облака застилали голубое небо, где мелькали потоками тысячи кораблей, в самом зените сквозь дымку лицезрелось чудо инженерной мысли: грандиозное искусственное кольцо, тонкой ониксовой линией опоясывающее планету-город.

Сойдя лестницей, Мирел накинул капюшон и застегнул пальто, прячась от настойчивого свежего ветра, разбавлявшего солнечный день. На Аграстесе круглогодично стояла осень, умеренная и порой дождливая погода, искусственно создаваемая системами контроля климата. Добравшись до левого края площади, Мурхада пришел к остановке тележек — одного из местных видов транспорта, небольших крытых вездеходов на автопилоте, развозивших народ по обширной академической территории, занимавшей столько площади, сколько город на несколько миллионов человек. Успев запрыгнуть в отъезжающий рейс и занять место на задних сидениях, он поехал в сторону своего общежития.

Тележка свернула в улицу меж двух высоток и бесшумно помчалась по свободной дороге, где встречались лишь мелькавшие по тротуарам пешеходы, катались редко тяжеловозные дроны-курьеры и другой общественный транспорт. Вдоль пути проносились витрины разных общественных заведений, мелких магазинчиков, кантин, кафе, мастерских и развлекательных клубов, которые сотнями заплотили улицы вокруг главного небоскреба Академии. Их открывали и ими заведовали лично сами студенты, обычно практиканты с экономического факультета или просто энтузиасты-любители.

Миновав три-четыре километра и несколько остановок, тележка высадила Мирела в глубинах жилого сектора Академии. Прогулявшись немного ногами по давно привычным и почти родным местам, студент добрался до крупной высотки, выделявшейся на фоне соседних общежитий своим громадным силуэтом и слегка грубой внешностью, и зашел через неприметный вход в зал вестибюля. Во дни окончания семестра здесь творился бардак и переполох, выселялись одни студенты и заселялись другие, третьи были озабочены экзаменами, питомцы факультета искусств готовились к какому-то важному спектаклю, а вдобавок шла генеральная уборка. В зале тусила пестрая толпа народа, хлопотали о порядке коменданты и валялись повсюду горы багажа, завозимого дронами-курьерами. Поздоровавшись со знакомыми, Мирел прошел мимо бедлама в лифт и поехал на свой этаж.

Прозрачная кабина неспешно мчалась вдоль остекленной части фасада здания. Каждый раз проезжая на ней, студенты получали возможность увидеть своими глазами могучий и величественный город во всей красе. Как только лифт поднимался над соседними крышами, виду представала грандиозная панорама Центрального района Аграстеса, окружавшего Академию.

От края горизонта и до края горизонта распростерся густой лес высоких небоскребов, под ногами импозантных башен-великанов стояли купола павильонов, сплетались паутиной эстакады метро, многоуровневые зеленые парки, геометрически ровные аквамариновые пруды, аллеи с пышной зеленью и космопорты.

Агратес был экуменополисом — городом планетарного масштаба, построенным на искусственных фундаментных плитах, размерами примерно пятьдесят на пятьдесят километров, которые покрывали всю поверхность мира, не оставляя и клочка натуральной литосферы. Плиты разделяли планету-город на заметные с высоты квадратики-сектора, между которыми оставались глубокие щели, где-то будучи гигантскими каньонами, а где-то совершенно незаметными швами. Агратес еще в древности задумывался как столица для одной мегакорпорации. На искусственных плитах было очень удобно строить здания, особенно грандиозные небоскребы: стабильный фундамент готов, стоило лишь крепко привинтить новую конструкцию к общему массиву и подключить к сети коммунальной инфраструктуры. В глубинах плит скрывались системы канализации, очистки и подачи воды, электростанции, транспортные и коммуникационные линии, системы контроля климата, тектонические стабилизаторы и все необходимое для поддержания жизни планеты.

Однако из-за Коллапса Агратес остался заброшенной строительной площадкой из голых плит с немногими завершенными высотками и фабриками для строительства запланированного города. Нынешние хозяева, то есть Директорат, однажды нашли все это пылившееся добро и возвели себе грандиозный полис. Он строился и расширялся по сей день, в нем уже жило более двадцати миллиардов зарегистрированных граждан, которых тут именовали резидентами, и находилось где-то двадцать-тридцать миллиардов официальных гостей, а сколько незарегистрированных бродяг на Агратесе — подсчитать не могли. Но даже такому количеству народа было под силу покрыть лишь семь-восемь процентов площади планеты, не считая промышленных объектов, и большинство секторов Агратеса оставались голыми плитами, дожидавшимися своей застройки.

Фундаментные плиты не были ровной гладью, а имели на своей поверхности всевозможные затейливые комбинации ступенчатых террас, геометричных надстроек, платформ и каналов-углублений, масштабными размерами порой сопоставимыми с небоскребами, и призванными сделать ландшафт мегаполиса интересней и дать возможность глянуть на горизонт с высоты. Мирел очень любил это дело и с наслаждением лицезрел панораму Агратеса почти каждый раз, когда катался местным лифтом, хоть за пять лет учебы один и тот же вид успел наскучить.

Поднявшись на этаж «48», студент шествовал по запутанному коридору общежития, мимо рядов дверей в квартиры. В отличие от вестибюля здесь стояла небывалая тишина, приятный полумрак окутывал панельные стены и наводил домашний покой. По этажу веял аромат жареной курицы, а вдоль коридора валялись чьи-то сумки, местами напоминая баррикады. Аккуратно перешагивая их, Мурхада заметил какого-то непонятного типа, спавшего на проходе под стенкой — обычный феномен для конца семестра. Стараясь не разбудить, перелезая через все препятствия, студент продвигался дальше. Большинство учеников Академии ютились в небольших уютных квартирах на два-три человека, имевших свою кухню, санузел и личные комнаты. В таких условиях жил и Мирел. Завернув в дальнее ответвление коридора, он добрался до своих апартаментов.

Мурхада приложил большой палец к дверной ручке и взялся за нее, замок просканировал отпечаток и щелкнул запоры. Прежде чем войти, студент сомкнул глаза и украдкой заглянул сверхчувствительным восприятием за преграду двери, ощупывая знакомые очертания квартиры и заметив среди них оживленно шевелящуюся фигуру, спешащую навстречу — его уже ждали с новостями. Открыв наконец дверь, Мирел действительно услышал дикий топот босых ног и увидел вылетевшего из гостиной полнотелого смуглого юношу.

— Мирел! Мирел! Я знал, что это ты! Какой тебе дали корабль?! — не терпелось ему услышать все, обо всем и одним разом. — Стрекозу? Аквилу? Адамас?..

— Старый Коршун, — сухо и блекло ответил зашедший, снимая сапоги.

— Эм... Какой старый? — затихнув, недоуменно хлопал собеседник глазами. Его звали Рашидом, он был соседом Мирела по общежитию и сыном некоего богатого мешрайского торговца, от его жены-зоолога. Молодой и развеселый парнишка, которому едва насчитывалось восемнадцать лет, только заканчивал сейчас вторую ступень учебы. Отец купил ему для жилья какие-то роскошные апартаменты в Центральном районе, однако Рашид упорно хотел жить в простой общаге, находился без ума от Академии и студенческой жизни. Характером этот юноша был веселый и добродушный, Мирела он уважал как старшего, однако во многом и не понимал.

— Сам посмотри, — вынув из кармана пальто сложенный вдвое путеводительный листок, выпускник протянул его соседу. — Я проверил по архивам Навигационного Бюро, это Т-101 «Коршун», выпущен восемьдесят девять лет назад, сейчас арестован на штрафстоянку...

— У-а-а-а! Я знаю этот корабль! Поверь мне, он не плох! — схватив листок, Рашид побежал из прихожей в гостиную и плюхнулся с разбегу на диван. Несчастный предмет мебели мучительно затрещал под весом полнотелой фигуры, качавшейся из стороны в сторону и читавшей строчки документа. — А... а почему? Ты же должен получить Стрекозу или что-то вроде нее.

— Не знаю. Чиновница сказала, что квоты в этом году узкие, — разделся Мирел и тоже направился в главную комнату. — Наверное все поэтому.

— Возьми меня с собой! — вскочив с дивана и опять заставив тот несчастно стонать, Рашид живо глядел на проходившего мимо старшего соседа. Получив долгожданную субсидию, тот не выглядел счастливым или сколь-нибудь радостным, лицо того не выражало никаких особенных ярких чувств, выглядело как обычно — задумчивым и немного печальным. Присутствие соседа в квартире казалось Рашиду иногда совершенно призрачным, словно он живет один. Рядом с Мирелом развеселый студент и сам делался серьезней и вдумчивей, охотно перенимая чужую прагматичность и деловой тон жизни. Мурхада посоветовал молодому товарищу немало полезных вещей, как например то, что бесхозную квартиру в Центральном районе можно сдавать в аренду, получая дополнительную прибыль.

Отец Рашида хотел, чтобы юноша, получив образование, впоследствии стал торговцем, однако тот загорелся от старшего соседа по комнате искреннейшим желанием пойти авантюрной дорожкой и стать исследователем неизвестности. Узнай тот торговец, мол какой-то искатель приключений совратил его сына от семейного дела и всего степенного в жизни, то возненавидел бы того сильнее, нежели самых дерзких воришек и продажных налоговых чиновников.

— Прошу, подожди до конца месяца, — продолжал умолять Рашид, — я пересдам математику и тоже стану станателем.

— Станателем? — саркастично переспросил Мурхада, подходя до кухни.

— Ой, стара... Ну ты понял! Старый старатель старался состарить старое старье, — на ходу выдумал он скороговорку, усиленно тараторя рычащую букву.

— Лучше тебе не бросать учебу. Чай свежий?

— Позавчерашний. Я выставил чайник на солнце, чтобы реакция пошла быстрее. Я провожу научную работу по выведению чайной палочки, мне профессор Макаллен обещала за это поставить зачет по естествознанию. Там вон, в шкафчике внизу, другой заварник.

— Ага.

— Только поставь потом обратно, чтобы не перепутать. Я еще не знаю, насколько чайная палочка опасна для пищеварения.

— Ничего кроме плесени и дрожжей здесь не вырастет.

— Ты в этом уверен?

— Нет.

— Но ведь главное эксперимент? Главное это... Научный процесс! — с надеждой глядел Рашид на подбродившую заварку. — Я пересдам математику и возьму академический отпуск на год-два, а потом напишу научную работу про мое путешествие в дикий космос. Может мы сможем найти какой-нибудь древний артефакт, я возьму его с собой и проведу исследование. Профессор Макаллен любит научные работы, она обязательно согласится меня отпустить и уговорит профессора Айгла. Ты только подожди, пока я пересдам математику.

— Нет.

— Как же ты будешь один и без напарника?

— Капер еще не взлетел, — скептически хмыкнул Мирел, попивая свежий чай.

— Ты думаешь он в плохом состоянии? Вай-вай! Лучше большой Коршун, чем маленький Стриказа, — покачал головой Рашид, нарочито говоря вульгарным мешрайским акцентом. — Тэсний-тэсний Стриказа! Тэсний как турма!

— Посмотрим, — напившись чаю, Мирел заглянул в свою комнату, взяв оттуда объемистую сумку с личными вещами, которые заранее упаковал для отправки.

— А на твое место уже поселили его, — сказал Рашид.

— Что?

— Его, — ткнул студент в какого-то краснокожего типа с наружностью дикаря, сидевшего под окнами на втором диване в гостиной. Единственными одеждами на этом человеке были набедренная повязка, короткая льняная накидка и золотые украшения на покрытых татуировками лодыжках. Мирел доселе не обращал на постороннего и капли внимания, в их квартиру Рашид постоянно водил не пойми кого, так что даже дикарь с татуировками на лодыжках уже не мог нисколько удивить Мурхаду. — Комендант пол часа назад доставил. Быстро же тут все работает, да? Ты только получил корабль, а на твое место уже другого поселили. Я не знаю откуда он и на каком языке говорит, сколько мучаю переводчик, не могу ничего разобрать. Не представляю, в какой группе он собирается учиться... Может, он знает эш'фарский?.. Эй! Лек? Оск? Чупракап?

— Vanjagina ja li uam, — недовольно буркнул дикарь.

— Вот, снова. Ты можешь понять, кто он такой?

— Нет.

— Эх! Придется звать типов с лингвистического. А они всегда сжирают все, что видят! И им еще хватает совести обзывать меня жирдяем!.. А ты ничего не воровал из холодильника, помогал с учебой... ты... ты был идеальным соседом для меня... Можно я тебя обниму?

— Нет, — с безразличным лицом буркнул Мирел, дотащив сумку до двери и глядя на распростертые доброжелательные руки Рашида, грустно улыбающегося смуглым лицом и готового едва не заплакать.

— Но я обниму? — все-таки стиснул он худощавого товарища, тут же получив удар током и ошарашенно отпрянув. — О-ой! Опять ты со своим этим!..

— Я предупреждал. Пока.

На этой равнодушной или безразличной ноте и закончились дела Мирела с Академией Агратеса. Отвернув вкось взгляд от недовольного лица бывшего соседа, он пошел восвояси с сумкой, закрыв за собой дверь.

II

Аграстес, Южный Район. Через 3 часа.

— Вот, собственно, товарищ Мурхада, ваш корабль, — развел рукой староватый майор, начальник штрафстоянки.

Рядом с ним молчаливо стоял Мирел, запрокинув голову и рассматривая заостренный нос капера, в длинной тени которого они находились среди полудня и настойчивого ветра. Он попирал площадку космопорта четырьмя толстыми посадочными пилонами-лыжами, а элегантными формами корпуса уподоблялся горбатому орлиному клюву или треугольной дельте. Хотя по судовым меркам это был всего-навсего частный «капер», человечки рядом с ним смотрелись крохотными подобно муравьям. Угловатый корпус великана покрывали толстые броне-плиты, выгоревшие от радиации и приобретшие невзрачно-угольный оттенок. Но несмотря на опасное излучение его облюбовали местные голуби, целой стаей сидевшие где-то на верхушке корабля и старательно выкрашивавшие его в белый цвет своим едким пометом.

— Красивый, правда? Судно из-под ареста, предыдущий владелец какой-то уголовник, птичке почти девяносто лет по документам. Возраст приличный, но каперы этой модели крепкие и надежные, — продолжал говорить офицер, будто он продавец подержанных кораблей. — Ее тщательно проверили, она гарантированно рабочая, можете не сомневаться.

Уладив оставшиеся бюрократические формальности, Мирел наконец отыскал свой долгожданный корабль, строки путеводительных документов привели его к полупустому космопорту в Южных районах Аграстеса, где небоскребы почти не заслоняли горизонт, а вокруг простирались одни лишь незастроенные голые фундаментные плиты, создававшие отчасти жутковатое своей пустотой зрелище, и мало-помалу растущие невысокие жилые сектора вдаль, и диспетчерская башня. Космопорты Аграстеса представляли собой ряды и шеренги унитарных посадочных платформ, занимавших километры, ходить меж которых отвалятся любые ноги. Конкретно данная стоянка — штрафстоянка, находилась в ведении Гвардии и хранила арестованные по той или иной причине корабли.

— Разве студентам выдают каперы отсюда? — настороженно спросил Мирел.

— Да. А вы разве не слышали? Когда выпускников много, а квоты маленькие, правительство раздает все подряд, — объяснил майор. — Все равно бы эта птичка пошла с молотка аукционеров... Эх, как говорится: дареному кораблю в топливозаборники не заглядывают. Пожалуй, я вам больше не нужен. Если у вас нет вопросов, то мне пора на обед.

— Ага, до свиданья.

— Надеюсь мы с вами никогда не встретимся... Ну это... В служебных отношениях... Соблюдайте правопорядок, — отдал честь офицер, спеша взобраться на портовую тележку и уехать обратно к своей диспетчерской на долгожданный перерыв.

Обескураженный судовладелец остался один. Безысходно вздохнув, он вынул из кармана судовой ключ — маленький платиновый брелок. Пролистав команды на его монохромном дисплее, Мирел приказал спуститься пассажирской платформе. Из недр судна показалась открытая каретка, медленно сходявшая по рельсам на правом носовом пилоне корабля.

Это было судно класса Т-101 «Коршун» с бортовым именем «Таранис» — типичный представитель рода каперов. Он считался хорошим выбором для мелких перевозок и дальних путешествий, крепким и надежным, относительно незаметным для старательства, однако был практически напрочь лишен вооружения, не считая оборонительной системы ближнего боя. Протяженность Тараниса составляла 45 метров, ширина у кормы 32 метра и высота 20 метров, а вместе с посадочными опорами где-то двадцать пять.

Все космические корабли, и столь малые и невероятно великие, были громоздкими, смотрелись грубовато и не особенно эстетично на фоне элегантного Аграстеса. Говоря откровенно,

любой космический корабль был по сути летающим противоядерным бункером, весившим десятки и сотни тысяч тонн. Их корпуса покрывались толстым панцирем из защитных плит — обычно невзрачно-коричневых или темно-серых оттенков, водились также и благородные цвета, навряде слоновой кости, серебристого хрома или медной патины. Многослойные и многометровые защитные плиты принимали на себя удар жесткой космической радиации, постепенно выгорая под агрессивным воздействием, потому корабли и выглядели очень угрюмо. По мере износа защитное покрытие регулярно обновлялось, некоторые капитаны упорно желали сделать свои корабли красивей и эстетичней, наносили витиеватые гербы или полосы ярких оттенков, однако те быстро выцветали и совершенно исчезали. Еще плиты служили великолепной броней, принимая на себя случайные столкновения и трение атмосферы, аблатируясь от ударов, минимально проводя тепло и взрывную энергию.

Могло показаться, что сверхтяжелого бронепанциря с головой достаточно, чтобы сделать корабль неуязвимым для космических угроз, однако он служил лишь вторичной и запасной мерой защиты. Первую и основную линию обороны судна держал проецируемый вихревой щит: он ограждал от космических лучей, нейтронов, пыли, камней и пропускал лишь свет. Ядерные взрывы, инфракрасный жар и гамма-излучение — это тоже «свет», а потому даже со щитом корабль не мог обойтись без хорошей брони. Корпус Тараниса был серьезно обожженным, свидетельствуя что капер точно повидал виды.

— Эх, — вздохнул Мирел, глядя как медленно опускалась скрипящая платформа, покуда не встала на лыжу. Рассудительный и хладнокровный молодой авантюрист, уже влипший в первую авантюру, не знал радоваться ли ему или горевать за престарелый Таранис. Космический корабль — дорогое удовольствие и если не найти скорейший способ заработка, то судно встанет намертво и превратится в металлолом. Впрочем даже с мало-мальским трюмом и торговой лицензией об источниках прибыли можно было совершенно не беспокоиться. Взяв сумку со своими нехитрыми пожитками, Мирел взошел на платформу и поднялся на борт, в скором времени добравшись до кабины, разобравшись со всем и дав команду на взлет.

Глава 3. Все ради дружелюбия

I

Галактика Хазес, крейсер Каркадан. По прошествии примерно десяти часов после побега с Бахада.

Бади лежал на постели в одной из множества кают крейсера, в маленькой и тихой жилой комнатухе. Он был умытый с ног до головы, переодетый в новую чистую одежду и накормленный до отвала. Бахадский воришка привык засыпать где-попало, чувствовал глубокую изматывающую усталость после тюрьмы, перестрелок и всей беготни по городу, однако никак не мог погрузиться в сон. Долгие часы он лишь беспокойно ворочался на непривычно-мягкой кровати. Бади вовсе не помнил, чтобы когда-либо спал на кровати. На крыше, на песке, циновке, полу, одежде, скамье, деревяшках, в стоге сена, в гамаке, на старом драном диване, где угодно, но только не на кроватях. Непривычное ложе было мягким до приторности и ломоты суставов, в конце концов заставив измученного гостя сползти на половой коврик и свернуться клубком.

Стальной пол каюты, устланный ворсистым ковром, мягко подогревался изнутри и был по меркам бахадского нищего очень комфортен для лежания, но тем не менее и на теплом полу Бади не находил телу желанного покоя и сна, долго ворочаясь туда и сюда. В его мыслях до сих пор плыла погоня, пронзительный свист пуль, грохот взрывов и ослепительный блеск прожекторов, то и дело мерцавший иллюзиями, когда жулик немного погружался в сонное забвение. Новая хлопковая одежда — серые туника, рубашка и штаны, казались ему слишком чистыми, а от того неприятными коже. Даже родная тюбетейка после стирки стала чуждой. Наконец, бросив последние попытки уснуть, Бади открыл веки, видя перед собой лишь абсолютную темноту запертой комнаты. Поднявшись на корточки, а затем крепко встав на ноги, он вслепую трогал постель справа от себя и скользил левой рукой вдоль приятных на ощупь гладких стен, уверенно шагая вперед. От его шевелений плавно зажигались светильники за спиной, давая глазам узреть очертания каюты. Она представляла собой одноместную кубическую комнатку, отделанную унитарными серо-синими пластиковыми панелями, простую, милую, приятную и уютную. Основную площадь в ней занимала кровать с тумбой, впереди в правом углу стоял деревянный рабочий стол с высоким стулом и узкий жестяной шкафчик у дверей слева. У потолка протянулась решеточка вентиляции, а возле выхода висели крючочки-вешалки.

Над изголовьем кровати все ярче загорались тонкие линии светильников, окрашивая каюту теплыми оттенками раннего утра. Разминая босые ступни, шагая то туда, то сюда, Бади добрался до рабочего стола. Тот был весьма функционален и содержал множество всяких выдвижных ящичков снизу, полочек сверху, а также плафон. На краю столешницы Бади оставил тряпичный узелок, в который запрятал динары, записки и прочую мелочь, выпотрошенную из карманов убитых стражников. Перебрав от безделья и бессонницы свои «сокровища», послонявшись из угла в угол, с вороватым любопытством обыскав все полочки и ящички, он осторожно подошел к двери, тихо нажал ручку, отворил и выглянул наружу.

— Мгм?.. — украдкой зыркнул воришка в обе стороны длинного коридора третьей палубы, сплошь покрытого одинаковыми дверьми. Не найдя живой души и лишнего шороха, Бади высунулся всем телом и захлопнул позади себя. Плавно шагая и боясь нарушить тишину, воришка открыл соседнюю дверь слева от своей, заглянув вовнутрь: Азиз спал как убитый, распластавшись раздетый на мягкой кровати и будто совершенно забыв, что он нищий бродяга. Не желая его будить, жулик тихонько закрыл дверцу и поплелся дальше.

В тюрьме Махмуд-эффенди много говорил о своем корабле, древнем ланиакейском крейсере, восстановленном на верфях Аграстеса и капитально переделанном в торговый флагман. Торговец сравнивал его редкость, изящность и могущество с единорогом, говорил о скрытом в нем страшном сверхоружии, о тысячах заградительных батарей, о непробиваемых щитах и смертоносной лучевой артиллерии. Он даже назвал свой флагман соответственным мифическим именем «Каркадан», то есть — единорог, властитель пустыни, дикого безжизненного космоса. После ремонта и тщательных переделок крейсер имел одноуровневый трюм с ангаром для шаттлов внизу и две обитаемых палубы, из коих эта самая верхняя. По ней простерлись несколько изогнутых коридоров и множество одноместных апартаментов, она служила жильем почти всему экипажу корабля — полуторасотне персон, а всего здесь хватило бы места на двести человек. Обстановка жилой палубы отличалась простотой и практичной незамысловатостью, на потолках шли один за одним светильники, создававшие теплый полумрак в сером коридоре.

Внешне Каркадан имел веретенообразную обтекаемую форму и грозный силуэт. Гладкий корпус властителя пустыни плавно сходил острым дельтовидным конусом от середины до носовой точки. Крейсер покрывали тонкие бронеплиты сизо-молочного оттенка, щели бортовых ангаров и орудийные башенки. Его корма резко оканчивалась обрубленным хвостиком, из которого выходили множественными протяжными лентами складные радиаторные панели, пылавшие жаром и стоявшие растопыркой в разные стороны, будто перья сказочной птицы. В конкретных цифрах, Каркадан имел длину 673 метра, ширину 125 метров и высоту 131 метр, а тонкой броней считался двенадцатиметровый слой плит. Вся обитаемая зона крейсера помещалась в дополнительно защищенной капсуле где-то посреди судна, остальное пространство занимали громадные корабельные узлы, трюм, технические шахты, тепловые магистрали, орудийные установки и прочие системы, натрамбованные столь плотно и тщательно, сколь начинка в дорогом КПК.

Прошествовав коридором и найдя лифт, Бади спустился вниз, на вторую палубу. Та служила главной на Каркадане и отличалась от верхней необычайно эффектным и шикарным интерьером. Лифт выходил среди просторной и свободной галереи, вдоль обеих стен шла анфилада плоских диагональных колонн, подсвеченных сзади мягким синим ореолом, растворяющимся в антрацитовый глубине фона самих стен. В отполированном до зеркального блеска ониксовом полу отражалась колоннада и сложные своды потолка. Своим величием, слитым со строгостью и холодной таинственностью, галерея напоминала загадочный ланиакейский дворец, нежели палубу боевого корабля. Бади чувствовал себя здесь совершенно крохотным и незначительным. Затаив дыхание, он рассматривал колонны и шагал в сторону кормы по заученной дороге.

Галерея обрывалась перекрестком с боковыми коридорчиками и прямым выходом сквозь низенькую арку в полукруглый зал-чайхану, где ели и пили. Плут завернул в правое ответвление и шествовал по дуговому коридору, огибавшему зал. Величием в нем почти не пахло, все выглядело унитарно и практично, встречались одна за одной разномастные двери и глубокие закутки. Пропуская все, гость шел к медотсеку, желая разузнать состояние Тураба. Стеной медблока служили выходившие в коридор большие скошенные окна, сквозь которые виднелся длинный белоснежно-чистый зал с двумя рядами высокотехнологичных коек, обвешанных всевозможным медицинским оборудованием. На трех лежали раненые люди Махмуда, а рядом костляво-худощавый смуглокожий юноша, слишком темный на столь белом фоне. Беспризорник имел безжизненный вид, не то спал, не то продолжал оставаться без сознания. Грудь была залеплена пластырем, а рука опутана проводками. У входа в медотсек стоял рабочий стол и множество шкафчиков, в кресле за столом сидел местный судовой врач, поглядывая в мониторы и занимаясь своими делами. Заметив любопытство гостя, этот бледнокожий человек в белом халате и с непокрытой русой головой поднялся, выглянув из двери слева от окон.

— Чего тебе? — спросил он без удовольствия.

— Что с Турабом? Он жив?

— Жив, — сухо ответил доктор. — Ранение было тяжелым, отходит после операции.

— А он... — не успел выговорить Бади, как собеседник бесцеремонно запер дверь и вернулся на свое место. Ткнув по клавиатуре он мигом сделал окна непрозрачно-белыми, избавившись от любопытной морды голодранца.

— Не спится? — послышался голос поблизости.

— А? — обернулся воришка, увидав Махмуда-эффенди. Он не встречал торговца с того момента как вышли из шатгла в трюм Каркадана. На борту, в домашней обстановке, Аль-Фарха одевался просто и роскошно, носил расписной синий халат, алый кушак и бордовые тапочки. Каштановую голову караванщика венчал незамысловатый бело-розовый тюрбан, напоминавший скорей простую повязку. На фоне смуглой кожи Махмуда как всегда бросалась в глаза белая гарнитура, обрамлявшая его левое ухо, а единственным украшением на шее караванщика осталась платиновая цепочка с круглой родовой печатью из черного адамантита — неременный атрибут мешрайских вольных торговцев. Этой штуковиной подписывались коммерческие договоры и сделки, скреплялись юридические акты, гарантировались гарантии и утверждались соглашения.

— Не волнуйся, циви² Максим очень опытный врач. Мне стоило немалых трудов уговорить его работать со мной. Твой друг в надежных руках.

— Хорошо, если так, — вздохнул Бади, продолжая глядеть на свое мутное отражение в белом стекле.

— Пойдем, выпьем кофе, — направился караванщик в сторону галереи.

Вернувшись к перекрестку, они зашли в зал-чайхану. Данная часть Каркадана претерпела существенные изменения, не подобавшие древнему военному крейсеру. Стены были завешаны тканями красных и оранжевых тонов, горели тусклые светильники, создававшие приятный полумрак. Пол застилали ковры, по всей площади были рассеяны маленькие столики, окруженные пухлыми расписными подушками с золотистой бахромой. Оба угла отгораживали решетчатые ширмы с приватными зонами, а на дальней плоской стене уходил коридор до кухни. В зале, в сторонке, расположилось несколько человек, одетых примерно так же, как и все подчиненные Махмуда — серые туника, рубашка, штаны и тюрбан. Они почтительно привстали пред начальником каравана и сели доедать.

Здесь Бади, Азиз и Сита отходили от побоища и обедали в недавнем времени. На стол пред бахадцами тогда подали целую гору еды: плова с зигиром и курдюком, ароматной жареной баранины, пухлых румяных лепешек, соусов всех цветов, плавленного сыра и всевозможных сладостей. «Это все нам?» — с широко раскрытыми глазами спрашивали жившие впроголодь бродяги и, получив положительный ответ от кротких разносчиков, ели столько, сколько только могло в них поместиться, а потом едва выползли из-за стола, чтобы идти мыться в хаммам.

— Вы так и не заплатили нам денег, — напомнил плут, садясь за столик напротив торговца и подбивая под спину подушку.

— Как раз хотел отдать, — сунув руку во внутренний карман халата, Махмуд вынул тонкую ониксовую карточку, положив на стол. Под тусклым светом та переливалась матово-глянцевыми геометрическими узорами, посреди которых отчетливо вырисовывалась золотистая цифра «11» и буква «С», обозначающие текущую сумму. Обычные деньги, вроде динариев, водились монетками. В отличие от них солиды были цифровой валютой из не копируемого кода и хранились либо на КПК, либо на таких специальных карточках-кошельках. В малоцивилизованных местах, где дикари привыкли что деньги обязаны быть хоть сколь-нибудь осязаемы, кредиты разбивали на много-много карточек и разменивались ими как простыми монетами.

² Циви — от лат. *civis* — «гражданин», стандартный титул учтивости для Ланиакейцев.

— Здесь только одиннадцать, — взял Бади карточку, шебурша кончиком пальца и ногтем по приятной рифленой поверхности. Обманчиво невесомая и непринужденно маленькая, она совершенно не давала представлений о величине суммы. А ведь такие деньги жулик держал впервые за свою не долгую и не короткую.

— Остальные три ты обещал своим друзьям, я сразу отдам их за тебя вместе с моей наградой.

— Только предупредите их, что отдали мои деньги, — блестели изумрудные глаза вора, не отрываясь от игры затейливых графитовых узоров на карточке.

Солиды выпускались Банком Аграстеса и признавались в ближайших галактиках за меру остальным деньгам. Солиды были валютой капитанов и торговцев, валютой больших людей и власть имущих, ими торговались в портах, ими разменивались промышленники, ими считали расходы судовладельцы. Для простых обывателей даже один единственный солид считался огромной суммой денег, на Аграстесе работяга получал столько примерно за месяц труда, а на Бахаде поденщики не зарабатывали один солид и за целый год. На самом Аграстесе простые люди пользовались не солидом «С», а разменной валютой — талером «Т», который имел курс одной десятитысячной солида и хранился на тех же карточках строкой ниже. Прототипом солида Аграстеса был архаичный ланиакейский солид — «S», который четко равнялся 10 «С».

— Еще вы обещали взять в свою команду.

— Раз обещал, — вздохнул Махмуд, — ничего не поделаешь.

Аль-Фарха подозвал одного из слуг, попросив подать кофе и сладкого. Спустя немного времени принесли поднос с витиеватым висмутовым чайником, маленькими чашечками и мисочкой пахлав. Торговец наливал темный горячий напиток, чей аромат томно разносился по всей чайхане. Бади не любил кофе, считая чересчур горьким и терпким на вкус, тем более мешраи пили кофе из маленьких чашечек, не добавляя ни сахар, ни сироп, ни сливок. Но ради дружбы с богатым торговцем плут довольно пил кофе, заедая сладкой пахлавой. Махмуд тщательно расспрашивал своего гостя и пассажира обо всем, чего не узнал в тюремной камере, деньги занимали все мысли шустрого пройдохи и он отвечал практически не думая о том, чего же конкретно мелит язык. Воришка едва внимательно глядел на караванщика, полагая будто досконально изучил его характер и ничего интересного кроме денег в нем нет. Махмуд имел темперамент стереотипного зажиточного торгаша: спокойный и флегматичный, не любящий лишний шум и эксцессы, слегка деловитый и предприимчивый, чуть ленивый и размеренный, а временами жутко раздражительный и гневливый — особенно при общении с налоговыми чиновниками и продажными блюстителями порядка. Речь купца звучала приятно, голос его был средне-мягким, чуть звонким, слегка блеклым и лишенным любых ноток хрипоты.

Беседа за кофейным столиком продолжалась около получаса. Закончив распитие, Аль-Фарха повел своего гостя назад в галерею, чтобы показать мостик крейсера, познакомить кое с кем и устроить на работу.

— Ух, — Бади шагал следом за торговцем вдоль анфилады, запрокинув голову и восхищенно рассматривая колонны.

— Нравится? А мне нет, — проворчал Махмуд. — Но мои жены брюзжали, мол это драгоценный образец ланиакейского судостроительного искусства, который мы просто обязаны сохранить в первозданном виде. Чего тут ценного? По всему Аграстесу наклеплены эти кривые столбики! Я бы хоть тканями их завесил. Но нет, каждый гость мне тараторит что это умопомрачительная художественная реликвия и готов хоть жить в этом проходном коридоре.

— Очень ве... величественно, — нашел пройдоха самый лучший эпитет в своем небогатом лексиконе. — Как во дворце.

— Еще один... — вздохнул Аль-Фарха.

— А куда подевались все люди?

— Сейчас на Каркадане ночь, почти утро, — ответил торговец. — Видишь, что свет везде приглушенный? Все спят, кроме вахтовой смены. А я жаворонок, просыпаюсь рано.

— Сколько вы станете платить мне жалования? — грезил Бади о богатстве, витая мыслями среди воображаемых дворцов.

— Я еще не придумал кем тебя устроить, а ты уже спрашиваешь о деньгах?

— Да, — искренне, честно и бесстыдно ответил он.

— Только давай заранее договоримся об одной вещи, — остановился торговец и развернулся, сверху-вниз взирая на гостя. — Я найму тебя. Но только на одном непреклонном условии: ты перестанешь воровать.

— Гхм... — встав столбом, недоуменно смутился жулик, услышав такой неожиданный и суровый ультиматум. — Не воровать... а... а это как?

— Я дам тебе жилье, еду, одежду, все что только нужно. Стану платить жалование как судовому работнику — минимум пять солидов за каждый месяц. Если заболеешь, тебе окажут лучшую медицинскую помощь. А ты лишь работай честно и ничего не кради у меня на борту. И у других ничего не кради. Ясно?

— Не красть ничего? — растеряно пожал плечами Бади. — Вай... Может хоть чуть-чуть можно?..

— Ничего. Ни крошки чужой не бери, — строго повторил Махмуд.

— Не знаю... Вай-вай... а... а зачем мне не воровать?

— Ты хочешь, чтобы я тебя нанял или нет?

— Хочу.

— Тогда не воруй. Ты за всю жизнь столько не украл, сколько здесь честно заработаешь за год.

— Много ли вы знаете сколько я воровал?.. Ну ладно... Идет, — кивнул Бади, до конца не понимая, с чем именно соглашается. — Не буду у вас ничего красть.

— Вот и славно, — пошли они дальше.

Другим своим концом галерея вела на мостик крейсера. Анфилада заканчивалась и путь элегантно расширялся пред тем, как упереться в стену с полураздвинутыми створами очень толстых и массивных гермодверей. Настолько толстых, что щель между ними казалась при первом взгляде скорей узковатым переулком, нежели открытыми дверьми. Мостик Каркадана и других подобных ему кораблей был заключен в бронекapsулу многометровой толщины и запятан в самом сердце крейсера. Даже когда под обстрелами орудий совершенно аблатировался внешний корпус и рентгеновское излучение ядерных взрывов насквозь выжигало электронику судна, покрытый панцирем центр управления мог еще надежно укрывать экипаж и жизненно важные системы пилотирования, а в крайнем случае и вовсе принять роль спасательной капсулы, эвакуировавшись с погибающего судна.

Внутри мостик Каркадана представлял собой овальный куполообразный зал, где вместо большинства стен и потолка сияла дивная панорама окружающего крейсер пространства: бесчисленные мириады звезд рассыпались по глубокой темной пустоте и золотистым перьям. Левую сторону затеняли томные черно-изумрудные облака туманности Саламандар, укрывавшей вид на центр галактики. С правой стороны хорошо различался насыщенный ореол соседней галактики Аквитании, диски, круги и пятна далекого межгалактического пространства.

— Вах... — Бади с беспредельным восторгом глядел на космос, словно впервые увидел, ведь он никогда не казался таким красивым как здесь: звезды были непривычно многочисленными и яркими, разнились оттенками и размерами, сверкали вдалеке голубыми огнями, и полыхали оранжевым блеском, и тихо горели бриллиантовым светом, и холодно тлели красноватыми тонами. Отсюда выглядело так, словно мостик крейсера это не глухая капсула, укрытая за многими десятками метров брони, корпуса и переборок, а выступающая в бескрайнюю пустоту дворцовая терраса или балкон, со всех сторон окруженный космосом. Ее антрацитовый глад-

кий пол словно зеркало отражал сияние звезд, подчеркивая великолепное зрелище, — Как здесь красиво... Ох... Вай-вай... Красиво...

Впавшему в глубочайшее восхищение наблюдателю казалось, что голова сейчас совсем закружится и вывернет наружу всю пахлаву с терпким кофе. Под эпическим полотном космоса, в центре мостика Каркадана занимал почетное место круглый навигационный стол с ониксовой поверхностью, над столом сияли разноцветные голограммы: мудреный клубок точек и значков, окруженный табличками, надписями и схемами — именно с этого гротескного прибора велось непосредственное управление всем крейсером. По бокам от мостика протянулись две углубленные ниши, где стояли рабочие станции операторов или штурманов. Оттуда тоже можно было вести управление всеми системами судна, а вдобавок сидеть в удобном мягком кресле, но тем не менее это не столь пафосно и героично, как стоять посреди мостика и с задумчивым мрачным видом глядеть на голограммы. Вот примерно с таким обликом, сбоку навигационного стола занималась делами женщина среднего роста с худощавым телосложением, облаченная в глухие длиннополые одеяния кремового и бронзового цветов, украшенные тонкими узорами и бахромой. Возле нее левитировал маленький дисковидный дрон, мигавший желтыми огоньками.

— Эффенди! — раздался знакомый Бади веселый голос снизу ниши, откуда поднялась Зубейда, одетая в горчичную тунику и полосатые штаны.

— М? — развернулась первая, бывшая у навигационного стола.

— Знакомься, это Эсфула — моя любимая жена, — представил Махмуд свою спутницу, подходя ближе. — Она старший помощник на Каркадане и главная после меня.

— Это Бади, верно? — спросила та негромким, но весьма благозвучным голосом. Сквозь прорези терракотовых тканей на юношу пристально смотрели темные подобно кофейным зернам глаза, подчеркнутые черными бровями. С плеч Эсфулы спускалась впереди пара длинных и тщательно заплетенных кос вороного цвета, доходивших до пояса.

— Да, — положил торговец ладонь на плечо воришки. — Подыщи ему работу на флагмане.

— Хорошо. А что он умеет?

— Воровать, убегать и притворяться мертвым, — хихикнув, ответила Зубейда. — Мы устроим его, не переживайте.

Оставив гостя на попечение вахтовых, торгаш отправился по своим делам. Эсфула задавала новому члену экипажа вопросы, а Зубейда пила чай и вставляла комментарии, превращая вполне серьезное собеседование в дурачество. В отличие от старпома, она не скрывала своего лица: то было очень пухлым, светложким и щекастым, волосы редкими и волнистыми, а над бесцветными губами росли малозаметные усы. Своим видом Зубейда предельно точно напоминала тех длинношерстных котов с приплюснутыми мордами и плоскими вздернутыми носами, которых любили держать при себе мешрайские шахи. Даже ее возвышенный тембром голос иногда походил на мяуканье такого кота, а уж повадкам Зубейды точно мог позавидовать самый ленивый диванный кот.

Жены были неотъемлемой частью как личной жизни Махмуда-эффенди, так и его коммерческих дел. Всего он имел сорок девять формальных супругов, из которых восемь находились в постоянной свите на Каркадане: Эсфула, Зубейда, Алима, Ямин, Тина, Камра, Зикра и Тамам. Брак у мешраев во многом носил сухой юридический характер и часто играл роль политического альянса. Махмуд возил с собой кучу жен ради их полезных навыков, эти люди имели прекрасное образование и специальности в различных областях. Зубейда — свободно говорила на пяти языках, глубоко разбиралась в истории и геологии. Алима — являлась программистом, физиком и судовым оператором, хорошо рисовала. Ямин — опытным корабельным инженером и пилотом, умела танцевать. Тина — эксперт в области экономики, политики и дипломатии, знала в тонкостях все нормы этикета и законы разных народов. Камра — химик

и эксперт пищевой промышленности, пела и играла на музыкальных инструментах. Зикра — снайпер, сапер и телохранитель, неплохо вышивала. Тамам — зоолог и ветеринар. Эсфула — любимая жена Махмуда, была астрономом, навигатором, дипломатом, говорила на трех языках, играла на музыкальных инструментах, танцевала, пела и писала стихи.

II

Крейсер Каркадан, средняя палуба. На следующий день.

— Вах, хорошо мы устроились! — в вальяжной позе шаха, Азиз полулежал на подушечках в чайхане, загребая рукой орехи из миски и набивая себе рот. За одним столом с ним сидела Сита, довольно распивая щербет и облокотившись на стену. И Бади, клевавший носом на ходу.

— Ты выглядишь уставшим, — глядела хакер на последнего.

— Не сплю уже второй день... Или третий? — улегся плут. — Совсем чуть-чуть и сразу просыпаюсь.

— Здесь хороший доктор. Попроси таблетки от бессонницы.

— Он боится врачей, — хихикнул Азиз. — Да и я боюсь.

— Выпей много-много щербета и точно уснешь, — советовала Сита.

— И как можно не спать на таких прекрасных кроватях?

— Она неудобная, — пожал плечами Бади. — Я лежу на полу.

— Ты слишком привык к бедноте, друг, — вульгарно подражая благородным людям, малолетний пройдоха аккуратно отпивал кофе из висмутовой чашечки. — Теперь приучайся к роскоши. Неплохо будет, если Махмуд-эффенди оставит нас всех.

— Вряд ли ему потребуется такой разгильдяй как ты, — ответила хакер.

— Здесь куча народу, как-нибудь впишемся.

— Я сойду на Аль-Кербеле — богатая и густонаселенная планета в галактике Хазеса, один из главных ее политических центров.

— Seriously? — удивился Азиз.

— Удобное место, давай там.

— Ты умеешь работать с компьютерами и читаешь, тебя наверняка возьмут сюда. Лучше, давай останемся, уговорим торгаша — м?

— Я планирую вернуться на Бахад, — ответила Сита, глядя на экран своего КПК. — Не хочу бросать младшего брата и семью. Теперь у меня есть деньги, я смогу им хорошо помочь.

— Отошли им деньги и все дела. Находясь тут ты заработаешь больше. На кораблях такие жалования, сколько у нас и за годы не зарабатываешь.

— До Кербелы месяц пути, посмотрим, подумаем, — кивнула она.

С наступлением условного «дня», когда включались яркие светильники, главная палуба крейсера оживала, в шумной чайхане крутилось много народу, играла ненависящая музыка и наступал общий завтрак. По корабельным меркам, на Каркадане жило очень много людей — сто сорок восемь человек. Для управления крейсером хватило бы и одного Махмуда, а для несения вахты, стабильного техобслуживания и грузовых операций — достаточно полудюжины широких специалистов. Обычные путешественники, авантюристы и военные не имели больших корабельных экипажей: примерно пять-десять на фрегат, десять-двадцать на крейсер. Исключением из данного правила являлись торговцы, особенно богатые. Караванщики возили с собой свиту народа и целые своры наемных охранников. Космос — опасное место, толпы боевиков обеспечивали безопасность коммерческих сделок и служили защитой на случай абордажа. Большую часть времени службы охранники просто-напросто бездельничали и жили на борту за счет хозяина, однако когда торговец посещал порты, города и станции, для них наступала ответственная работа. Всех этих охранников надо было кормить, стирать и держать в узде, посему конвой имел внушительный штат хозработников в дополнение к судовым инженерам, штурманам, помощникам торговца и прочим специалистам.

В сторонке за ширмами сидел Махмуд-эффенди со свитой. Помимо восьмерых жен, он возил с собой три дочери: Икриму, Рабию и Канзи. Кроме них, у караванщика имелось еще пять сыновей и дочь, одни уже взрослые, а другие воспитывались вышестоящими из рода

Аль-Фарха. Пока шел завтрак и бахадские пассажиры неспешно наслаждались пребыванием на борту Каркадана, в чайхану медленным шагом приковылял Тураб. После ранения и операции худощавый бродяга напоминал скорей мертвеца, лицо бедолаги словно стало безжизненно-серым, а грудь под рубашкой была заклеена пластырями.

— Тураб! — вскочили Бади и Сита, взяв его под руки и проводя к столу. — Ты как?

— Нормально, — ответил он тихим тщедушным голосом. — Ох... Сколько здесь людей... Азиз?.. Вам уже дали денег? Я по Азизу вижу, что вам дали деньги, он сейчас расплывется от жира...

— А? — улыбнулся воришка, сидевший как шах и султан.

— Пять солидов каждому, — ответила Сита, подкладывая старшему подушки. — А Бади дали одиннадцать.

— Не обманул торгаш... Вай, ох! — поморщившись, уместился Тураб под стенкой и осмотрел стол. — Сколько еды, хорошо живете.

— Это еще пыль, — вальяжно махнул рукой Азиз. — Ты не видел наш обед. Есть хочешь? Мы только попросим и сразу принесут целую гору жареного мяса.

— Нет, меня и так выворачивает... — взял он лишь немного миндаля на пробу. — Что произошло, пока я спал?

— Мы много-много ели. Затем помылись. Затем нам дали по комнате и оставили отдыхать, — пересказывал Бади. — А меня наняли в команду Махмуда-эффенди, там на мостике очень красивый вид.

— Кем наняли?

— Еще не знаю, — пожал он плечами.

— Куда движется караван?

— К Аль-Кербеле, — ответила Сита. — Мы там, наверное, сойдем.

— Ага... Лучше там, чем где угодно, — кивнул Тураб.

— Нас могут оставить тут, — повторил Азиз.

— Не, — отрицательно замотал головой старший, — вряд ли нас оставят... Особенно тебя, раздолбая.

— Вы тоже все раздолбаи! Особенно ты, Сита! И Бади оставили же!

— Он заранее договорился, — сказала хакер.

— Вы словно хотите снова побираться, — настаивал воришка на своем, недовольно развернувшись, свернувшись клубком и уткнувшись лицом в гору подушек. — Я с вами не разговариваю!

— Шах Азиз, не обижайся на нас.

— А я обиделся!

— Кстати, мне уже пора на мостик, — поднимался Бади. — Я попробую договориться, чтобы оставили и вас.

Покинув своих друзей, плут направился по галерее. Прошлым ранним утром и днем он познакомился с женами Махмуда — Эсфулой и Зубейдой, которые расспросили его, пообещали научить какому-нибудь корабельному делу и давать разную работу. Столь ответственную вещь как дежурство и круглосуточный контроль за состоянием крейсера, Махмуд-Эффенди доверял только своим женам и старшей дочери. Они несли службу в три смены по восемь часов, сменяясь попарно: Эсфула и Зубейда — с 3 до 11, Тина и Ямин — с 11 до 19, Икрима и Алима — с 19 до 3.

Эсфула условилась, чтобы Бади приходил на обучение каждое утро, когда была их вахтовая смена. Бахадский юноша понравился старпому с ее помощницей, они охотно объясняли ученику то одно, то другое: как осуществляется навигация крейсера, как следят за состоянием беспилотных грузовиков конвоя, как управляться с операторского места, про корабельные системы и многие прочее. Бродяга буквально налету схватывал все объясняемое и дога-

дывался о непонятном, так что учителям почти не приходилось говорить о чем-то дважды. Все бы хорошо, однако Бади не умел читать, а без этого базового навыка даже его незаурядности приходилось туго. Но желая остаться на борту Каркадана, парнишка уверял, что научится грамоте в кратчайший срок. Зубейда вручила ему специальную книгу-планшет для самообучения чтению на мешрайском и проводила уроки во время вахты.

Неспешными шажками пройдя сквозь гермодверь, Бади любовался красотами космической панорамы. Второй раз он посетил мостик, туманность Саламандар стала меньше и переместилась назад, а по курсу сияла яркая и крупная оранжевая звезда. Старпом была у самого носа, пила чай и разговаривала с эш'фаром по имени Зикриф, служившим у Махмуда секретарем. Редко кто из мохнатых карликов получал среди общества людей столь высокие должности, однако этот получил. Желтоглазый дрон-компаньон витал у пустующего навигационного стола, а Зубейда сидела, по привычке, в глубинах ниши.

— М? — подняла Эсфула лицо издали, — ты немного опоздал.

— А-э... — зевнул квелый Бади. — Правда?

— Постарайся приходить вовремя, наша смена скоро закончится. Лучше просыпайся часов в 5—6.

— Хорошо, — подходил мальчишка.

— Да у него и так усталый вид, — сказала выглянувшая Зубейда. — У тебя не корабельная бессонница?

— Все нормально, — отнекивался плут, невольно потирая глаз.

— Заварю тебе мятного чаю, будешь чай?

— Ага, — травяные напитки Бади не любил равно как кофе, но ради компании и дружеского учителя согласился. Затем он подошел к навигационному столу, интересуясь местоположением каравана. Над ониксовым стеклом витал запутанный клубок мудреных точек, значков, линий и бегущих цифр, сплетаемый лучами голограммы. Ученику уже объяснили чего тут и зачем, что это все схематическая карта, отображавшая замеченные сенсорами объекты вокруг крейсера, траектории орбит и небесные тела местной звездной системы. Для управления кораблем и ориентации в пространстве пользовались именно подобной картой, ее вполне можно назвать «глазами» экипажа, в то время как на визуальную панораму едва глядели по делу. Мостик и вовсе был способен проецировать навигационную сетку поверх слоя панорамы, однако Эсфула любила красивые виды не меньше Бади и оставляла прагматизм. Край стола опоясывала толстая светло-серая обводка, на которой лучи проецировали клавиатуры и прочие элементы управления. Потыкав в заученные кнопки, плут открыл карту галактики, увидев пройденный маршрут. За минувшие дни крейсер проделал большой путь: удрал с орбиты Бахада, находящегося в системе Акин, оторвался от гарнизонного флота, перепрыгнул к соседней звезде, где воссоединился с конвоем и пересек ее незаселенную систему, уже добежав к следующей звезде и уходя все дальше от сферы влияния Саламандара.

Космические корабли совершали межзвездные путешествия особым образом, а сказать точнее — людям было известно не менее десятка причудливых способов преодолеть космические дистанции за относительно короткий промежуток времени, однако повсеместно прижился только один. Согласно ему, корабли пользовались природными естественными порталами, «точками перехода», которые возникали между соседними звездными системами на их окраинах и связывали их парой. Назывались они «гиперлиниями» или «мейнстримами». Пользуясь гиперлиниями, космические корабли по факту не летали в межзвездном пространстве, а лишь мгновенно перемещались от одной звездной системы к другой. На судовых навигационных картах космос выглядел точками, соединенными линиями переходов, по которым путники прокладывали себе маршрут. Каждая система обладала от одной до целой дюжины гиперлиний, точки перехода всегда вставляли на том краю звездной системы, который ближе к их паре в другой системе и чтобы двигаться по галактике в какую-либо сторону, приходи-

лось упорно преодолевать систему за системой на досветовых скоростях. Гиперлинии стихийно возникали и исчезали, средняя продолжительность жизни стабильного перехода составляла от 4—7 лет. По этой причине навигационные карты постоянно устаревали и требовали постоянной работы картографов, которые искали новые маршруты. Каждое уважающее себя государство обладало картографической службой, занимающейся обновлением карт, от их усилий зависела торговля, скорость и безопасность путешествий. Самая лучшая и эффективная была у Аграстеса, их технологии позволяли вполне точно предсказать захлопывание гиперлинии, наносить на актуальные карты предупреждения о старых мейнстримах и угрозах закрытия. Гиперлинии протягивались в среднем на 5—30 световых лет, а более всего любили возникать между максимально похожими друг на друга звездами.

Порой случалось так, что какая-нибудь звездная система временно не имела гиперлиний вообще. Добраться до изолированной системы корабли могли по старинке «своим ходом» — так называлась древняя методика межзвездных перелетов, существовавшая до изобретения прыжкового шунта, за счет которого корабли взаимодействуют с точкой перехода. Летя «своим ходом» корабль просто и грубо постепенно разгонялся до сверхсветовой скорости маршевым двигателем, преодолевал межзвездное пространство и тормозил в целевой системе. Процесс отлажен, стабилен, надежен, но скорость такого «вояжа» чрезвычайно медленная и составляла в среднем 0,5 световых лет в сутки и плюс две-три недели на разгон и две-три недели на торможение, если вообще хватит топлива. По гиперлиниям корабли за такое время проходили сотни и более световых лет. Каждое судно по давней традиции имело функцию «своего хода» на всякий аварийный случай.

Гиперлинии были отдельной многогранной и загадочной наукой, в их природе существовало крайне много сложных процессов и непонятных аномалий. Порой они внезапно схлопывались, порой упорно не хотели появляться между соседними звездами. Гиперлинии были очень чувствительны к нестабильностям пространства, когда возникали «обширные пространственно-волновые события» — например взрыв сверхновой, то все точки перехода в радиусе сотен световых лет массово схлопывались и несколько месяцев не возникали вообще. Рядом с белыми карликами, пульсарами и черными дырами гиперлинии и вовсе никогда не образовывались. Существовал так называемый «принцип Станберга», согласно которому, чем плотней концентрация звезд и ближе черная дыра — тем меньше гиперлиний. В центре галактики, например, их вовсе нет. И среди звездных скоплений их очень мало. В двойных-тройных-многозвездных системах каждая звезда образовывала свои гиперлинии и они никогда не могли пройти через гравитационный силуэт звезды-соседки.

В военных действиях гиперлинии играли критически-важное значение. Чтобы воспользоваться точкой перехода кораблю приходилось ставить себя в уязвимое положение, выравнивать с ней движение и замедляться до 4 км/с или еще меньше, а в космосе подобная скорость была сравнима с ползанием улитки. Возле точек флоты устраивали всевозможные тактические маневры, хитро били из засады, наступали, отступали, ставили охрану. В конце-концов, существовали методы просто-напросто разрушить точку перехода специальным оружием, намертво заблокировав дорогу себе и чужим.

Помимо обычных гиперлиний «мейнстримов» существовали редкие аномальные «гранд-стримы» или «великие линии», которые протягивались на несколько сотен или даже тысяч световых лет. Грандстримы жили долгими веками не схлопываясь, но все-таки не были вечными. Они составляли важную часть протяженных торговых маршрутов и почти каждый имел свое личное имя. А совершить межгалактическое путешествие при помощи стандартных гиперлиний не представлялось возможным. Чтобы связать галактики вместе, людям пришлось выкрутиться с великой изощренностью и выстроить «трансферные мосты» — огромные мегасооружения размером с планету, оставшиеся памятниками от великих держав древности.

III

Крейсер Каркадан, трюм. В следующую ночь.

— Тсс! — ступая на цыпочках, осторожно переставляя ботинки по холодному стальному полу, Азиз вглядывался во мрак пред собой, разгоняемый лишь светом фонаря из КПК Ситы, идущей за его спиной.

— Сам — тсс! — ответила хакер.

— Тихо! — напряженно прошептал из хвоста Тураб. — Только без рук.

— А мы просто прогуляться, — обернулся Азиз.

— Я тебя знаю! У тебя мания на кражи коробок!

— Да кто бы говорил, пес недорезанный!

— Тс!

— Здесь камеры, — сказала Сита. — Нас все равно заметят.

— Но не услышат. Одно дело просто заблудиться в темноте и другое — ходить среди грузовых контейнеров, обсуждая кражи.

Следующей ночью на борту крейсера, Азизу с товарищами стало слишком скучно просто сидеть в чайхане, киснуть в хаммаме и спать на мягких кроватях, им захотелось размять ноги и прогуляться. Две верхние палубы Каркадана они хорошо изучили и решили наконец спуститься в трюм. Там было темно, а помимо темноты стоял лютый холод, словно в пустыне пред рассветом. Изо ртов воришек вырывались густые клубы пара, в легкой хлопковой одежде они продрогли насквозь, руки мгновенно леденели от одного прикосновения к стенам, но любопытство заставляло их идти все дальше и дальше. Тусклый луч фонаря вылавливал из мрака массивные механизмы погрузочных систем и высокие штабеля судовых контейнеров. Узкая словно каньон тропинка шла между стеной и грузами, тянувшись долгие десятки метров.

— Где Бади? — спросил Тураб. Несмотря на тяжелое ранение и плачевный вид, мошенник удивительно быстро поправлялся и уже к вечеру чувствовал себя вполне хорошо, виной чему была своевременная инъекция медицинских нанитов.

— Спит, — ответил Азиз. — Пропускает все самое интересное... Тсс... Слышишь?

— Что?

— Эхо.

— Ты шуршишь на весь трюм.

— Да, тсс! Забудьте все! — прижух Азиз. — Прислушайтесь...

Среди тишины, дыхания трех бахадцев и шлепков ботинок, отчетливо раздавались некие шорохи в темноте, хаотично шелестящие прерывистым эхом, то затихая, то громко звеня и шумя. Исследователи встрепнулись и насторожились, пытаясь различить неведомое слухом:

— А... ага, — кивнула Сита. — Идет из середины.

— Давайте уже возвращаться, — сказал Тураб. — Вам нужны неприятности? Мне, например, нет.

— А мы ничего плохого не делаем, — пошел Азиз в щель между штабелями контейнеров, где узкая дорожка вела в глубины трюма.

— Всего-навсего залезли ночью на товарный склад.

— Мы же не ворует. И если ты вдруг стал таким честным, то почему не хочешь остаться на борту?

— Хочу. Просто нас никто не возьмет.

— Тсс, смотрите, — шепнула Сита. В глубине грузового отсека, свет фонаря выловил из мрака контейнеры с открытым бортом, содержавшие в себе множество одинаковых короб-клеток. Именно отсюда шли постоянные шорохи.

— Хм... — приняхивался Тураб до клеток, из которых веяло теплом. — Ну и вонь... Хорошо помоешься и все вокруг начинает смердеть...

— Кого же там везут? — смело заглядывал Азиз. Яркий луч фонаря и посторонние звуки встревожили неведомых обитателей, заставив шуршать еще сильнее.

— Эй?.. — сунула нос Сита, направив свет за решетку, — Кто ты?

— А-ag-agr! — неожиданно показался мохнатый силуэт и сморщенная мордочка маленькой противной обезьянки. С жуткими криками она бросилась к незванным гостям, схватившись когтистыми лапками за прутья клетки и показывая свой хищный оскал.

— А-а-а! — бродяги резко отпрянули и сами подняли со страху крик. По цепной реакции проснулась целая орава макак, занимавшая несколько дюжин двадцатифутовых судовых контейнеров. Поднялся жуткий гомон и бедлам, неистовые звериные голоса пронзительно звенели на весь грузовой отсек. Обезьяны, показываясь на луч фонаря своими противными мордами и белыми глазами, клацали острыми зубами, издавая друг другу крики, махая мохнатыми руками и терзая решетки.

— Откуда здесь столько гадких тварей?! — вскричал Азиз, мечась среди контейнеров.

Среди этого шума вдруг разом зажглись по всему трюму лампы дневного света. Обезьяны забуйствовали еще сильнее, словно дикая разъяренная толпа, поднявшая на корабле мятеж. Казалось вот-вот и они порвут в клочья решетки, вырвутся на свободу и станут разносить все на своем пути.

— Что вы там забыли? — раздался по интеркому возмущенный голос ночных вахтовых. — А ну вернитесь в свои комнаты и сидите тихо!

Это были не просто обезьяны, а бахадские макаки, печально известные на одноименной планете как несносные воры и жуткие вредители, которых ставили в один ряд с крысами и тараканами, регулярно вытравливая из медины. Вахтовые продолжали ругаться и замерзшие пассажиры быстренько смылись обратно к лифту, спеша отогреться в чайхане.

IV

Крейсер Каркадан, мостик. Утром тех же суток.

Хихикая, Бади сидел в глубинах операторской ниши мостика и тратил драгоценное учебное время на то, что смотрел на КПК всякие смешные видео, заснятые не пойми кем, не пойми где и не пойми сколько веков назад. Ниша мостика была местом очень удобным и комфортным, содержала четверку роскошных кресел с высокой спинкой, подножником, подлокотниками и функцией массажа, в которых можно не только сидеть, но и лежать и проводить хоть целые сутки напролет. Каждое кресло окружала рабочая станция с массивом мониторов и клавиатурами, встроенными в полукруглую консоль-стол, где предусмотрено место, чтобы пить чай, кушать и коротать долгие часы вахты. Так как мостик был миниатюрным кораблем, под его основным уровнем располагались разные помещения, санузел для вахтовых, тесные спальные места, а также кладовая с аварийным запасом провизии и прочими необходимыми на случай войны и бедствия вещами, куда вход был из операторских ниш.

— Бади, — послышался сверху голос старпома.

— Хи-хих... А? — отвлекся он, подняв смуглую мордочку.

— Что ты там смешного нашел? Ты уже окончил задание?

— Ам, — глянул он на учебник, валявшийся возле клавиатуры, — почти...

— Зубейда! — обернулась Эсфула. — Ты дала ему эту штуку?!

— А? — обезоружено подняла руки историк, бывшая у навигационного стола. — Ты сама просила меня показать мальчику что-то древнее. Я подарила ему свой старый коммуникатор с архивами плазы. Это тот, где двести тысяч забавных видео про котиков.

Свернув все, Бади взобрался ступеньками из глубин правой ниши, представ пред лицом Эсфулы. Впервые за долгое время он хорошо и крепко выспался без урывков, встав глубокой ночью и прибыв на мостик к самому началу вахты своих учителей. Потихоньку наступало утро, отложив котиков, юноша внимательно слушал новый урок и рассказы старпома. То и дело воришка надеялся поймать удобный момент, когда сможет уговорить Эсфулу принять в команду остальных его товарищей.

На этот раз тема коснулась галактики Хазеса, по которой они сейчас скитались. Что такое космос? Что такое галактика? Это буквально необитаемая пустыня, где сотни миллиардов или даже триллиарды безымянных звезд, среди которых рассеяны редкие крохотные оазисы жизни в этом не имевшем края безжизненном пространстве, полном лишь пыли и мертвых камней. Галактика Хазеса имела компактные размеры, пышную сферическую форму и особенно выделялась своей пустынностью, будучи пустыней из пустынь. В ней издревле жили люди, однако обитаемых миров насчитывалось крайне мало по причине высокой активности ядра Хазеса, источающего губительное излучение. Немногие теплящиеся жизнью планеты скрывались на окраине галактики, укрытые за густыми туманностями вроде Сламандара, которая надежно хранила Бахад. По словам Эсфулы, мешраи специально взрывали звезды, чтобы создавать плотные туманности и укрытия от космических лучей. За пределами таких мест стоял чересчур сильный общегалактический радиационный фон, угнетавший все живое. Но несмотря на экстремальные условия, в Хазесе порой встречались настоящие цветущие жемчужины, удивляющие своим комфортным климатом.

После астрографии Хазеса заговорили о навигаторах. Обитаемые миры были словно оазисы посреди мертвой пустоты, а звездные карты представляли собой лишь тончайшие ниточки, раскинутые в этой пустоши между путевыми точками. Двигаясь по ним от звезды к звезде, караван встречал на пути бесчисленные опасности и угрозы. В любой момент известная дорожка могла оборваться схлопнувшейся точкой перехода, заставляя путешественников

разыскивать новый маршрут. Радея за сохранность груза и своих жизней, капитаны не жалели тратить денег на найм опытных специалистов по части гиперлиний, если сами не были такими.

Навигаторы, стоявшие с высокомерным видом на мостике и таинственно махающие дланью над картой или тихонько прячущиеся в операторских нишах, именно они вели крупные корабли по дикому космосу, выбирали лучший маршрут и находили выходы из тупиков — работа, которую сложно было переоценить. Им приходилось быть и картографами, и штурманами, и астрофизиками, и предсказателями. Хороший навигатор внушал уважение и почтение не меньше закаленного боями капитана линкора или торговца с флотилией грузовиков. Именно таким навигатором и таким человеком была Эсфула: она буквально дышала космосом, интуитивно понимала его язык и легко предугадывала движения. Несмотря на свои знания и умения, любимая жена торговца вовсе не отличалась высокомерием, ответственная работа и попечительство заставляли ее казаться слишком серьезной для незнакомых людей, однако характер Эсфулы куда больше состоял из жизнерадостности, шутливой веселости, дружелюбной простоты и доступности окружающим.

Само собой Бади не мог претендовать на роль навигатора или нечто подобное, вахтовые рассказывали ему тонкости своей работы для общего развития. Юношу ждала служба каким-нибудь подручным, посыльным, помощником, подсобником, вероятно на кухню или в прачечную. С наступлением позднего утра вахта Эсфулы с Зубейдой и учебное время заканчивалось. Плут думал направиться к своим друзьям, впрочем те сами пришли на мостик:

— Вай, вай, вай, сколько звезд, — запрокинув голову, глядел Тураб.

— Ага... — сворачивал шею и Азиз. — Смотри, а там облачко красненькое.

— Это туманность.

— Да знаю я.

— Туманность Руд, из нее возят мифрил и слоновую кость.

— Откуда ты знаешь? — удивленно глянул на него товарищ.

— Откуда, откуда — я на базаре двадцать лет живу.

— Я тоже на базаре живу, почему я не знаю?

— Как дела? — подошел к ним Бади.

— Ты такое вчера пропустил! — повиснул у него на шее Азиз. — Сейчас все расскажу...

— Кхм, — приблизилась Эсфула, обратив на себя внимание бродяг. — Попрошу вас впредь не тревожить обезьян и прочих живой груз.

— Хорошо, — кротко кивнул Тураб. — Мы просто хотели прогуляться.

— Если вы любите гулять по ночам, делайте это тихо и ничего не трогайте.

— Зачем возить этих противных тварей? — удивился Азиз.

— Почему противных? Они очень милые, — улыбнулась старпом. — На Аграстесе маленьких пушистых зверьков покупают за большие деньги.

— Ужас! В медине не могут от них избавиться! Они ведь еще и заразные!

— В этом суть торговли, — хихикнула Эсфула. — Продавать песок на Лон-Антриме и снег на Бахаде. А все обезьянки привиты от болезней.

— На Бахаде много снега, — возразил Азиз. — Он в каждом холодильнике.

— Откуда здесь обезьяны? — ничего не понял Бади.

— Потом расскажу.

— Это 14-GI, бот-помощник? — подошел Тураб к витавшему позади старпома роботу. С приближением гостя механизм начал моргать желтым глазом-огоньком и любопытно рассматривать чужое лицо.

— Хм, да... — обернулась Эсфула, сложив руки за спину, — Откуда ты знаешь?

— Видел на базаре, у одного проезжего чужака. Это не целостный механизм, это облако нанитов, принявшее такой вид, — жулик аккуратно махал ладонью пред дроном, который в ответ пульсировал огоньками и окутывался полупрозрачной вуалью, буквально на глазах меняя

форму из диска в шар. — Он умеет делать панспектральные снимки и контактировать с инженерными сетями.

— Мне бы такой, — томно вздохнула Сита.

— ...нет, вот откуда он все знает? — тихо бурчал Азиз.

— Я тоже знаю, — шепнул в ответ Бади.

— Вы издеваетесь?

— Мне Эсфула-ханум рассказала.

— Бррхх...

— Где вы нашли такой древний корабль? — спросил Тураб, рассматривая мостик. — Он слишком хорошо уцелел.

— В Аквитании, — ответила старпом, пристально глядя на юношу. — Мы случайно наткнулись на неизвестное поле битвы. Я люблю заниматься археологией, и Зубейда очень любит. Мы уговорили эффенди уделить время на изучение обломков, никто не думал обнаружить там нечто существенное. После Ланиакеи осталось много забытых мест сражений и в большинстве лишь горелые ошметки разорванных кораблей, годящиеся только на распилку металлолома. Но там, на орбите газового гиганта, вдруг нашелся этот крейсер. Тип AVS-51 «Unicornis», очень редкий экземпляр, таких изготовлено не более сотни штук, о таких на Аграстесе даже не найти исчерпывающей документации. У него была повреждена лишь корма и двигательные системы, экипаж эвакуировался и корабль восемь веков провел укрытый сильным магнитным полем, на холодной окраине системы. На этом наше спокойное торговое путешествие закончилось и мы полмесяца пытались оживить крейсер. Наконец удалось запустить гипердвигатель и отбуксировать прямым ходом к желтому Фулкруму. Родной брат эффенди — важный человек на Аграстесе, он помог организовать ремонт на верфи. Вот и все. Так мы получили торговый флагман.

— Ага, — кивнули слушатели.

— У него сохранилось тепловое ядро? — задал Тураб новый заумный вопрос, подходя к навигационному столу.

— Конечно, иначе крейсер бы взорвался, — наблюдала за ним Эсфула, сложив руки за спиной. — Но ядро пришлось извлечь и продать, у нас не хватало денег на ремонт. Взамен установили мощный реактор и антипротонные батареи как на военных кораблях Аграстеса. Гипердвигатель, к нашему сожалению, тоже пришлось извлечь и отдать Академии.

— Эх, жаль, — важно глядел жулик на голограммы. — Вы могли бы пользоваться им для торговли.

— Поверь мне, экономические затраты несоизмеримы с выгодой. За прыжок до Аль-Кербелы нам пришлось бы отдать топлива на примерно на двести солидов. Гипердвигатель даже в древности считался исключительно военной технологией.

— Правда? А я слышал, что существовали особенные курьерские корабли, которые доставляли сенаторов и прочих важных людей гипердвигателями.

— Поверь мне, один месяц жизни сенатора стоил куда более, нежели сотня или тысяча солидов, — ответила Эсфула. — Деньги дороги. Еще дороже человеческая жизнь. Но дороже всего время...

Пока они стояли и вели беседы, на мостик чинно дефилировали Ясмин и Тина, пришедшие сменить вахту. Из всех жен Махмуда-эффенди эти двое одевались ярче всех и выглядели наиболее респектабельно. Особенно тщательно следила за видом Тина — высокорослая и стройная, носившая элегантные украшения, кольца, золотые поручни, цепочки и самые лучшие наряды, терракотовые и пурпурные расписные ткани, закалывавшая пышную вороную копну таффеитовыми³ гребнями и подкрашивавшая глаза. Даже в обычные дни на борту

³ Таффеит — драгоценный камень бесцветного, зеленоватого или розовато-лилового цвета. По некоторым данным, встре-

Каркадана она выглядела столь импозантно, словно на празднике или приеме у правителя. Тина была советником Махмуда по вопросам дипломатии и экономики, она же сопровождала эффенди на важных встречах, будучи украшением богатого торговца, или сама играла роль эмиссара. Ясмин — столичная дива с Центральных районов Аграстеса, тоже безудержно следила за внешностью, нарядами, гармонией желто-зеленых оттенков, белокурой прической и старалась не оставлять украшения пылиться в шкатулках, но удавалось ей лишь худо-бедно подражать благородству Тины, выглядя рядом с ней словно декоративная ручная собачка с бусами на шее. По профессии Ясмин была пилотом и вторым навигатором Каркадана. На фоне этих двоих Эсфула и Зубейда, которых едва интересовала собственная внешность — выглядели совершенно блекло.

— Ох, опять эти шельмы, — нелестно глядела Ясмин на воришек. — Эсфула-бегум, не пускай их сюда.

— Чем они вам не нравятся? — пожала плечами старпом, стоявшая посреди малолетних бродяжек. — Это наши гости.

— Это грязные попрошайки, которые спят и видят как бы что-то украсть.

— Полностью согласна, — с нарочитой степенной чопорностью проговорила Тина. — Не позволяйте этим... «гостям»... вводить вас в заблуждение своей навязчивой дружелюбностью. Уже не в первый раз вы страдаете из-за того, что пускаете на борт кого попало.

— Тина, я разбираюсь в людях не хуже тебя, — возразила Эсфула, положив ладони на плечи низкорослых Азиза и Бади, строивших невинные лица. — Занимайтесь своими делами, вся ответственность за пассажиров лежит на мне.

— Мой долг предупредить, — важно прошествовала дипломат мимо старпома.

Навигатор шепнула четверке, и те ретировались подальше от глаз Тины и Ясмин.

— ...«на базаре живу», «на базаре услышал», — шепотом бурчал Азиз, уходя с товарищами в галерею. — Скажи честно, ты пытаешься вкрасься к ним в доверие?

— Конечно, — пожал плечами Тураб. — Я уже вкраслся.

— Ты гадкий мошенник! — возмутился Азиз.

— Я разве кого обманул?

— Ты и половины не знаешь из того, что наплел!

— Я знаю еще больше, чем сказал. Зачем я, по твоему, столько с чужаками разговариваю?

— После твоих «разговоров» и пыль из карманов исчезает!

Продолжая неторопливую беседу о мошенничествах и базарах, четверка пассажиров добралась до чайханы. Большинство экипажа успело позавтракать и обширный зал почти пустовал, кухарботники трудились над приведением столиков в порядок, по полу жужжали туда-сюда кругленькие дроны-метелки, вычищая начисто ковры и вымывая до блеска антрацитово-серые плиты. Беспризорники тихонько проследовали в сторону левого борта и уселись под стенкой за отведенный им столик, где оставались кофе, и щербет, и сладости после их завтрака.

— Выпьем-ка еще, — усаживался Тураб и остальные, подбивая под себя подушки.

— Ух, мне уже плохо пить, — сгорбилась и уткнулась Сита в экран КПК. — Я могу умереть.

— Кстати, а где та ханум в черном костюме? Вы ведь помните как она расстреляла целый отряд стражников, когда мы были на волосок от смерти?

— Правда, а кто это? — с оживлением спросил и Азиз, глядя на товарищey. — И куда она... пропала?

— Это Зикра, — ответил Бади, взяв вазочку с рубиновым рахат-лукумом и поставив себе на колени. — Я уже спрашивал. Эсфула-ханум сказала, что она специально обученный

телохранитель из рода воинов, которые охраняли древних шахиншахов. Ее подарили Махмуду-эффенди в жены. А Зубейда сказала, что Зикра однажды зарезала стаю бандитов, которые пытались ограбить эффенди в одном порту. С тех пор он требует от Зикры «сидеть тихо» и берет только иногда на важные встречи.

— Вай! Вот это да, — покачала головой хакер.

— Хорошо, что она нас не убила, — прижух Азиз, — когда мы этого торгаша обрабатывали.

— Зикру-ханум можно увидеть во время завтрака, она ходит в темно-фиолетовом платье. — сказал Бади. — И еще по трюму гуляет ночью... Вы ее, разве, не встречали? Если были в трюме?

— Мы дальше десяти шагов еле чего могли рассмотреть, там очень темно и холодно. Интересно, а как эта Зикра так быстро двигалась? Я одним глазом видел, она словно мелькала.

— Высокоплотный волоконный экзоскелет и церебральный форсаж творят чудеса, — вздохнул Тураб. — Некоторые так едва не по стенам бегают.

— Опять ты со своими фокусами, шарлатан! — воскликнул Азиз.

— Пока вы двое подгнившие фрукты у торгашей воровали, я серьезными делами занимался, — сказал мошенник.

— Тоже мне, серьезный нашелся, — хмыкнул Бади. — Тебе, серьезному, лишь бы рот раскрыть и потрепаться.

— Такое у меня дело. Ваше не лучше моего.

— А твое не лучше нашего.

— Чтобы выжить, мы должны работать сообща и втираться в доверие вместе, — кивнул Азиз. — Рука руку моет, вор вора кроет.

— Не бойся, мы тебя не бросим, — приобнял плут его плечи. — В крайнем случае возьмем за свой счет.

— Да, всегда хотел нанять себе прислугу... — мечтательно проговорил старший, положив под спину подушки и разлегшись под стенкой, — но Азиза я точно не куплю. Он заразный, ему много прививок делать надо. Проще обезьянку наддрессировать.

— Что?! А ты вообще шакал облезлый! — не выдержав оскорбления, воришка швырнулся фиником в Тураба, попав в никуда.

— Ты глупый, как дырявое ведро.

— А ты жрешь дерьмо и пьешь мочу!.. М-м! — высунул Азиз язык и скорчил рожу.

— Не зли меня, малявка, — поднявшись, мошенник ловко схватил его пятерней за короткие волосы, трясая и таская из стороны в сторону.

— А-а! — сморщился и сжался пройдоха, отмахиваясь руками. — Больно, пусти, пусти!.. Ах!..

— Будешь знать, как оскорблять старших, — крутил он свою жертву за уши.

— Аа-ах!.. Тоже мне, старший нашелся! Аксакал помойки! — выкрутился Азиз, долбанув Тураба ногой, швырнувшись вдовесок подушкой и на четвереньках уполз за спину Бади, жевавшего рахат-лукум и весело наблюдавшего за дракой. Выглядывая из-за спины последнего, он снова корчил лицо. — Попробуй только подойти! Руку тебе опять прокушу!

— Больно мне надо бешенство подхватывать, — отмахнулся мошенник, усевшись обратно и понизив голос. — Не выдавай меня, ясно?

— Работаем заодно — тогда не выдам!

— Тсс, только не кричи во всю глотку. Здесь повсюду камеры и слышно каждый угол.

— Не каждый, — ответил Бади. — Я узнал, что чайхана преднамеренно не прослушивается. Каюты также в безопасности.

— Хорошо, если так... — оглядывался Тураб по сторонам, — Но есть одна вещь в этом бей-эффенди, которая мне не дает покоя.

— Какая?

— Порой кажется, словно он знает то, чего никак не должен узнать...

V

Крейсер Каркадан, медотсек. На следующие сутки.

— Садитесь, — нелестно глядя на пациентов, доктор Максим надевал синие перчатки поверх своих бледных, как молоко, рук. Пред ним тесно усаживались на одной скамейке под окнами медотсека Бади, Азиз, Сита и Тураб. Привели их сюда не просто так, а для проведения медосмотра. Старший спокойно улыбался, врачей он не боялся совсем. Сита не выпускала из рук КПК, стараясь не волноваться тоже. Азиз нервничал и беспокойно хихикал. Бади со страхом смотрел на медицинские перчатки. Врачи пользовались среди мешраев высоким почетом и уважением, их никогда не смели грабить или оскорбить. Лекарей всегда не хватало и услуги их стоили немалых средств, а квалифицированный опытный врач и вовсе имел на Бахаде авторитет как у шаха. Но помимо уважения, в медицине по неизвестным причинам врачи внушали некоторым людям дикий иррациональный страх, особенно нищим.

— Жалобы на здоровье у кого-нибудь из вас присутствуют?

— Э-э... Неа, — отрицательно водили головой все четверо. Для трех из них это было первое в жизни посещение медпункта по прямому назначению.

— С кого начнем? — спросил врач.

— Только не я! — испуганно попятился на скамейке Азиз.

— Не бойся, здесь ничего страшного, — сказала Сита, пытаясь унять дрожь в коленках.

— Вот сама и иди! — буркнул воришка, прячась у нее за спиной.

— Вай... — закатил глаза Тураб, — Доктор, просто запишите себе, что они вшивые и больные на голову.

— Тогда начнем с крайнего, — глядел доктор Максим на оцепеневшего Бади, который пытался стать однотонным с белой стеной.

— А-а? — хлопал глазами плут.

С безразличным видом не обращая внимания на выходки оборванцев, врач подошел и начал осмотр. Взяв наводящими ужас синими перчатками костлявое запястье пройдохи, Максим одел ему на палец прищепку-детектор. Затем доктор взял пациента за голову, вертел во все стороны, поворошил волосы и заглянул в уши. Бади замер от страха так, будто по нему ползали не руки врача, а ядовитые скорпионы. Затем доктор Максим, раздвинув веки пациента и посветив фонариком в глаз, сказал:

— Откройте рот.

— Э?... — не успел плут среагировать, как лекарь сам раздвинул челюсть пациента и полазал там пальцами. Не найдя ничего интересного, он закрыл челюсть, посмотрел в ноздри, на ногти рук, убрал прищепку-датчик и наконец снял вымазанные перчатки.

— Бади, ты жив там? — все это время перепуганный Азиз прятался между спинами товарищей и стеной, препираясь с Ситой.

— Раздевайтесь по пояс и ложитесь на ближайшую кушетку, — скомандовал врач.

Швырнув перчатки в мусорную корзину, он вымыл руки у раковины в уголке медотсека и сел за рабочий стол, глядя в пару мониторов. Подгоняемый Турабом, Бади снимал рубашку и тунику, недоверчиво улегшись на кушетку. Медицинские аппараты над койкой неторопливо просвечивали ерзающего воришку. Через несколько минут, когда диагностика закончилась, врач объявил:

— На этом все, одевайтесь... Следующий, — поднимался доктор Максим.

— Следующий — ты, — выталкивала соседка прячущегося Азиза.

— Не пойду! Не пойду! — отпихивался он ногами, норовя свалиться за скамью.

— Ты хочешь остаться на крейсере? — тащил его старший за шиворот. — Тогда — иди!

Общими усилиями Тураба и Ситы, воришку все-таки вытолкнули с сидалища. Оказавшись на середине приемной медотсека, Азиз геройски встал пред флегматичным доктором, словно пред разъяренным львом на гладиаторской арене. Грудная клетка его нервно вздымалась, а дергающиеся глаза не отрывали внимания от приближающегося соперника.

— Здесь ничего страшного нет, — попытлся успокоить его Бади, застегивавший пуговицы на рубашке. — Вроде бы... Еще не понял...

— Садитесь обратно, — врач, безразлично глядя на перепуганного до смерти бродягу, надевал новую пару синих перчаток.

— А-а-а-а! — не придумав ничего лучше, Азиз с неистовым безумным криком сорвался с места и ринулся к двери, отчаянно колотил рукой по преднамеренно заблокированной замочной панели и с истерикой царапал белоснежную створу. — А-а-а-а! Люди, помогите! Живодеры убивают! А-а-а!..

— Как вы мне уже надоели... — морщась от криков и находящей головной боли, доктор Максим достал из выдвижного ящика инъекционный пистолет, метко выстрелив дротиком в спину неумного пациента. За считанные секунды Азиз замолк и свалился на пол словно тряпка.

— Не стреляйте, мы сдаемся! — испуганно спрятался Бади за медицинскую койку.

— У-у-ух, — вздрогнула Сита, поджав ноги, — в-вы ведь его не убили? Это успокоительное? Вы тоже спящих грабите?

— Вай-вай... — закатил глаза Тураб. — Я же вам говорил, что они все больные на голову.

После умирения Азиза, медосмотр проходил относительно спокойно. По результатам диагностики бахадские пассажиры поголовно кишели глистами и перенесли туберкулез, имели проблемы с деснами и зубами, авитаминоз и легкую степень хронической лучевой болезни. Сита страдала сколиозом и гастритом, Бади имел криво сросшиеся трещины в костях, Азиза признали психопатом, а Тураб не совсем пока оправился после ранения. Завершив осмотр, врач выписал пассажирам противопаразитные, радиопротекторы, антибиотики и регенеративные препараты. Доверить этим людям по несколько банок дорогих сильнодействующих таблеток доктор Максим опасался, а посему приказал ходить к нему каждое утро. Получив указания, трое гостей наконец вышли на свободу.

— Фух, — шагал Бади с друзьями подальше от злосчастного медотсека. Их брат Азиз остался лежать на кушетке под действием снотворного-транквилизатора и, по словам доктора, очнется к вечеру.

— Теперь и мне страшно ходить к врачам, — кивнула Сита, уткнувшись в экран КПК и нервно набирая команды в терминале.

— Прогуляемся?

— Не, я пойду прилягу, — вздохнул Тураб. — У меня после Азиза в ушах звенит.

— А мы выпьем чего-нибудь, — ответила хакер, — и посмотрим на котиков.

Глава 4. Иллюзия

I

Галактика Хазес, Южный регион, крейсер Каркадан, трюм. На десятый день путешествия.

— Эй... ешь, ешь... — осторожно сунув руку в клетку, Тамам высыпала обезьянке полную горсть сушеного комбикорма в миску. Не терпя дожидаться окончания сервировки, зверек выхватывал еду прямым из руки, скорее торопясь набить себе полный рот. Остальные противные макаки давно подняли шум и гам, едва завидев приближающуюся кормилицу они махали высунутыми за решетку лапами, требуя положенного обеда. Перемещая за собой коляску с полными ящиками комбикорма, становясь на лесенку, Тамам насыпала порцию каждой из ста пятидесяти трех подопечных макак. Это действие совершалось ровно каждые сутки, местным «утром».

Однако на этот раз кормежка животных отличалась тем, что у Тамам нашелся новый помощник — Бади, пристроенный старпомом. Это стала его первая работа на борту Каркадана: он таскал стремянку, черпал корм и подавал, когда зоолог лезла к самым верхним клеткам. Обезьянки были только началом, а кроме них на борту крейсера везлись: 500 палатинских хомячков, 82 коралловых ужа, 150 радужных ужей, 160 питонов, 13 панголинов, 45 желтых попугаев, 800 древесных ящериц в спячке, 250 голубых лягушек в спячке, 12 тысяч разноцветных рыбок, пантера-альбинос, 8 тюленей, одна свиноматка редкой породы, колония кормовых мышей и колония мучных червей. Все эти звери были куплены в местах естественного обитания за бесценок, а будут проданы за большие деньги как экзотические питомцы.

— Давай, ставь сюда, — приказала начальник.

— Ага, — катил пройдоха колесную стремянку, устав от визга и пронзительных обезьяньих криков. Еще больше его донимал пронизывающий холод, хоть плуту и выдали комплект теплой одежды, куртку, шапку и полукомбинезон с подогревом, он все равно замерзал. Суровый климат в грузовом отсеке держали именно ради животных, многие из которых в холоде вели себя значительно спокойней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.